

Джереми
Браун

ЧЕТВЕРТОЕ ИЮНЯ

Пекин,
площадь
Тяньаньмэнь:
протесты и кровавая
расправа 1989 года

СОВРЕМЕННОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

«Современное востоковедение»
= «Contemporary Eastern Studies»

Джереми Браун

**Четвертое июня. Пекин,
площадь Тяньаньмэнь. Протесты**

«Библиороссика»

2021

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)64

Браун Д.

Четвертое июня. Пекин, площадь Тяньаньмэнь. Протесты
/ Д. Браун — «Библиороссика», 2021 — («Современное
востоковедение» = «Contemporary Eastern Studies»)

ISBN 978-5-907532-83-0

Протесты на площади Тяньаньмэнь и их подавление стали важным поворотным моментом в новейшей истории Китая. Собирая в своей работе яркие истории участников протеста, Браун показывает общенациональный масштаб демократического движения 1980-х и жесткое противодействие ему со стороны властей. В критические моменты весны 1989 года и демонстранты, и те, кто принимал решения о силовом подавлении митингов, мучились сложным выбором, представляя себе альтернативные сценарии развития событий. Джереми Браун использует широкий круг ранее не публиковавшихся источников и показывает в новом свете события, отголоски которых продолжают звучать в Китае и по сей день.

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)64

ISBN 978-5-907532-83-0

© Браун Д., 2021
© Библиороссика, 2021

Содержание

Введение	5
Хронология	13
Часть первая	18
Глава 1	18
Глава 2	26
Глава 3	36
Часть вторая	39
Глава 4	39
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Джереми Браун

Четвертое июня. Пекин, площадь Тяньаньмэнь: протесты и кровавая расправа 1989 года

Введение

В 1989 году мне было 12 лет. Я рос в Айова-Сити, штат Айова, и много времени проводил у телевизора, особенно любил бейсбольные матчи «Чикаго Кабс». По вечерам мама смотрела передачу Питера Дженнинга «Уорлд Ньюз Тунайт» на канале «Эй-би-си».

21 апреля 1989 года десятки тысяч демонстрантов вышли на площадь Тяньаньмэнь почтить память бывшего генерального секретаря КПК Ху Яобана. В этот день «Кабс» играли поздний матч с «Метс» в Нью-Йорке. Трансляция совпала с программой маминых ночных новостей. Питер Дженнингс рассказывал о протестах 21 апреля¹, но мне это было не интересно. Меня волновала победа «Кабс» над «Метс» со счетом 8:4. Когда 27 апреля 1989 года сотни тысяч жителей Пекина вышли на марш в знак протеста против опубликованной накануне передовицы в «Жэньминь жибао» о «четкой позиции против беспорядков», «Кабс» обыграли «Доджерс» в домашнем матче со счетом 1:0. Матч закончился задолго до того, как Дженнингс рассказал о протестах в Пекине – главном событии новостного выпуска.

В тот день я, наверное, впервые обратил внимание на Китай. Я не подозревал, что когда-нибудь буду изучать китайский, жить в Пекине и заниматься историей этой страны.

Наиболее известная дата, связанная с Китаем 1989 года, – это Четвертое июня (в действительности столкновение мирных жителей Пекина с солдатами НОАК началось в ночь с 3 на 4 июня и продолжалось до утра). 3 июня выпадало на субботу, а 4-е – на воскресенье. Это было важно, о чем позже сообщил премьер Ли Пэн, – необходимо было очистить Тяньаньмэнь к рассвету воскресенья, чтобы не допустить скопления народа на площади в выходной день [Чжан 2010: 292]. Выходные после обеда были для меня лучшим временем для просмотра бейсбола. Телевизор был полностью в моем распоряжении, я мог наслаждаться матчами «Кабс» в Сент-Луисе с «Кардиналами» (в субботу «Кабс» проиграли, а в воскресенье выиграли). А потом мама смотрела новости – наша семейная гармония не нарушалась. Мне было грустно, что «Кабс» проиграли в дополнительное время 3 июня, и я обратил внимание на вечерние новости – американское телевидение сообщало о стрельбе и жертвах в Пекине.

В отличие от большинства авторов книг о протестах на Тяньаньмэнь и последующей расправе, я в то время не интересовался этими событиями. В Китае я не был, да и не стремился побывать. Произошедшее в июне 1989 года никак не повлияло на мою картину мира того времени. Я был ребенком, находился на расстоянии полумира от Китая и меня больше увлекал бейсбол. Но, как и многие американские дети, чьи родители каждый вечер смотрели телевизор, я понимал, что что-то происходит. И это происходящее 3 июня 1989 года стало трагедией. Несмотря на то что я подхожу к этой теме с позиции отстраненного наблюдателя – профессионального историка, описывающего далекие события, моя память не чистый лист. 1989 год дал толчок к формированию моих взглядов и пониманию событий Четвертого июня.

Жители США смотрели по телевизору репортажи о протестах, наблюдали, с какой надеждой в мае студенты, рабочие, чиновники и пенсионеры шли маршем в поддержку демокра-

---

¹ См. Vanderbilt Television News Archive, tvnews.vanderbilt.edu/broadcasts/121680.

тии. А потом телезрители увидели, как авторитарная диктатура убивала молодых людей, которые просто хотели быть похожими на «нас». Я и в то время не особо внимательно следил за событиями, однако именно их подача в американских СМИ – в рамках мелодраматической оценки периода поздней холодной войны – сформировала мое представление о Китае в 1989 году. В 1997 году я приехал в Харбин по студенческому обмену и узнал о различных научных подходах к событиям на Тяньаньмэнь – тогда я стал сомневаться в собственных умозаключениях. Я пишу эту книгу, потому что мои ученики – многие из них родились в Китае – продолжают с интересом изучать пекинские события, длившиеся несколько месяцев и известные как «События Четвертого июня». Эти события можно разделить на три этапа: 1) общенациональное движение за демократию с апреля по июнь 1989 года; 2) расправа в Пекине 3 и 4 июня; 3) репрессии вплоть до 1990 года, отголоски которых слышны и сейчас. Интерес моих учеников заразителен. Каждый, кто узнает о Четвертом июня, интуитивно понимает, что это был переломный момент в истории Китая, который перевернул множество судеб и в конечном итоге способствовал притоку миллионов китайских студентов в университеты Северной Америки, Европы и Австралии. В чем заключался этот переломный момент? Какие события вели к нему в апреле, мае и июне 1989 года? Какая была альтернатива? Чем больше китайское правительство цензурирует и ограничивает исследования о репрессиях 1989 года, тем больше хочется заниматься этой темой и находить новые факты.

Изучение этого события, которое продолжает замалчиваться, вызывает необходимость проведения исторического исследования. Что произошло и почему? Что означал свершившийся факт? Рассматривать протесты на площади Тяньаньмэнь и расправу в Пекине с точки зрения истории – это новый подход. Он отличается от сотен ранее опубликованных журналистских трудов, мемуаров и социологических исследований о событиях 1989 года. Исторический подход позволяет более полно осветить протесты, массовые убийства и их последствия с точки зрения целей, географического пространства и времени. Во многих предыдущих публикациях основное внимание уделялось конкретным студентам из пекинских студенческих городков – участникам протеста на Тяньаньмэнь, были написаны их биографии. При этом событиям, происходившим в других районах Пекина, а также в иных городах, не придавалось особого значения. Многие авторы завершали свой рассказ тем, что ранним утром на восходе солнца 4 июня 1989 года НОАК взяла площадь под контроль. Это способствовало формированию искаженного восприятия, которое в дальнейшем свелось к обвинению студентов – их требования и ошибки спровоцировали власти отдать приказ о применении военной силы.

До того как я начал собирать материал для этой книги, я и сам разделял это мнение. Когда в 2010 году мне прислали рекламный экземпляр книги канадского автора Дениз Чун, *Egg on Mao* («Яйца летят в Мао»), я понятия не имел, кто такой Лу Дэчэн. К книге, рассказывающей о нем и двух других оппозиционерах-рабочих из провинции Хунань, забросавших яйцами портрет Мао Цзэдуна в мае 1989 года на площади Тяньаньмэнь, я отнесся скептически. Но я ошибался. Я хорошо усвоил «пекиноцентричный» нарратив, в котором действия «не-элитных» слоев населения рассматривались как угроза протестному движению, возглавляемому студентами элитных китайских университетов. Преодолев внутреннее сопротивление, я с удовольствием прочел мастерски написанную книгу Дениз Чун. Этот труд полностью изменил мое представление о движении и о роли иных участников событий, помимо пекинских студентов. Работа госпожи Чун сильно помогла мне в написании этой книги.

Несколько лет спустя издатель Чай Лин прислал мне бесплатную копию мемуаров Чай. Мое понимание событий 1989 года тогда было сфокусировано на пекинских студентах, поэтому у меня сложилось крайне негативное мнение о мемуарах Чай Лин, которая была одним из студенческих лидеров в Пекине 1989 года. К тому времени мое мнение о ней сформировалось благодаря документальному фильму *Gate of Heavenly Peace* («Врата Небесного Спокойствия»), в котором Чай изображена как эгоистичная особа, пытавшаяся спровоцировать КПК

на кровопролитие. В мемуарах Чай пытается оправдать свои действия и объясняет, почему она защищала собственные интересы. Однако в книге подробно рассказывается и о том, насколько сложно было быть студентом университета в 1980-х и что сподвигло студентов к участию в протестном движении. В книге объясняется, что ни один студенческий лидер не заслуживает, чтобы его называли преступником или обвиняли в кровопролитии.

Я признаю роль пекинских студентов. Но не только они были протестующими. Протестующие – разношерстная группа, а ее окружали представители самых разных слоев населения. Выбор и участие этих слоев гораздо более значимы, чем выбор и действия студентов элитных университетов. Среди протестующих были обычные жители Пекина, рабочие-активисты, выступающие за создание независимых профсоюзов, а также мусульмане, тибетцы и другие. С противоположной стороны находились высшие лидеры КПК, санкционировавшие применение военной силы против гражданского населения.

Моя задача как социального историка состоит в том, чтобы уделить внимание простому человеку, а не высшему политическому руководству. В этой книге рассказывается о многих обычных людях. Их надежды и страдания были основой для позитивных перемен весной 1989 года. И большинство из сотен или тысяч людей, погибших 3 и 4 июня, это простые жители Пекина. Моя книга – это попытка исправления искаженного взгляда, ставящего студентов во главу угла, а также объяснение отказа от обвинения жертв трагедии, которые могли бы предотвратить кровопролитие, но вместо этого стали ее причиной.

В 1989 году лидер КНР, 84-летний Дэн Сяопин, направил войска на площадь Тяньаньмэнь для разгона демонстрантов. Вопреки описаниям, изображающим лидера как нежелающего вводить военное положение, невольно вовлеченного участника событий, манипулируемого выигравшими фракционную битву сторонниками жесткой линии против реформаторов, совершенно ясно, что решение принимал непосредственно Дэн Сяопин. В студенческом движении он видел форму общественного протеста и считал, что оно должно быть подавлено силой. Благодаря богатому революционному прошлому Дэн Сяопин был в Китае решающей фигурой, послушаться его было нельзя. Именно он манипулировал товарищами по партии, а не наоборот. Изначально многие высокопоставленные политики и военачальники не поддерживали введение военного положения в Пекине и применения военной силы на площади Тяньаньмэнь. Но как только Дэн выказал свое однозначное мнение, большинство присоединилось к нему, заверяя в своей лояльности и повторяя слова пожилого лидера.

Рассматривая трагедию в Пекине как историческое событие, я старался больше внимания уделять жертвам, называл имена убитых, виновных в расправе, опирался на свидетельства матерей участников протеста, чтобы узнать, кем были эти погибшие, где и как их застала смерть. Многие вышли на улицы Пекина не для сопротивления армии, а чтобы помочь другим, но они были расстреляны. Среди погибших – мирные жители, они пытались добраться до работы, купить продукты или прятались в собственных домах. Их смерть была бессмысленна. Даже сейчас с их близкими обращаются как с преступниками или диссидентами, об извинениях и компенсации со стороны государства речи нет.

Из-за цензуры КПК и сокрытия правдивых данных о том, что произошло в июне 1989 года, мы не знаем количества погибших в Пекине в начале июня. Их число – от 478 до 3000, где-то посередине, например 727 (данные, опубликованные инсайдером в 2012 году). Любая из этих цифр ужасна. Однако число жертв могло быть значительно выше. Известно, что более 200 тысяч солдат вошло в Пекин. В то время как две воинские части, в частности 38-я армейская группа и 15-я воздушно-десантная дивизия, стреляли в мирных жителей и обстреливали жилые дома, приближаясь к площади Тяньаньмэнь с запада и юга, другие солдаты – нерешительные, напуганные или не желающие расправы с мирными жителями – не стреляли. Расправа была страшной. Но было бы страшнее, если бы десятки других частей повели себя так же, как 38-я армейская группа и 15-я воздушно-десантная дивизия.

История 1989 года была бы не полной, если бы мы ограничились только событиями в Пекине и не рассказали бы о последовавших за ними долгих общенациональных репрессиях. До известных событий, то есть в марте 1989 года, Дэн Сяопин и премьер Ли Пэн ввели военное положение в Лхасе и сочли этот опыт успешным, поэтому несколько месяцев спустя рассматривали его как вариант военных действий в Пекине. В апреле и мае протестующие в каждой провинции и автономном районе Китая старались брать пример с пекинцев, а также напрямую влияли на события в столице – либо привлекая внимание лидеров КПК, либо приезжая в Пекин. После 4 июня сопротивление протестующих и насилие со стороны государства утихли на несколько месяцев.

Вспышки сопротивления шли параллельно возникшему во второй половине 1989 года официальному движению, направленному на наказание и зачистку людей, участвовавших в протестах. Люди реагировали так, как если бы их заставляли жить с опасным жестоким партнером: молчаливо выполняли указания, говорили заведомую ложь, защищая таким образом близких, и иногда противостояли унижениям. Эту динамику мы наблюдаем и сейчас. Пособники обидчика остаются во главе Китая благодаря решению Дэна использовать военную силу против гражданских лиц. Они замалчивают насилие, но при необходимости защищают его, говоря, что выбора у них не было.

К сожалению, сторонники Дэна усердно поработали над тем, чтобы научить родившихся после 1989 года молодых людей «забывать» прошлое, объясняя, что жертвы заслужили столь жестокое обращение и что для сохранения стабильности в Китае такие меры были необходимы.

Но в такой расправе необходимости не было и оправдать ее нельзя. Каждая часть этой книги завершается отдельной главой, посвященной альтернативному пути и важным поворотным моментам, которые китайцы обсуждали в стране в течение 1989 года и позднее. Поскольку их устремления были трагически раздавлены танками, многие выжившие до сих пор пытаются понять, что и как нужно было бы сделать, чтобы изменить ход истории. Этот вопрос напрямую отрицает циничную аргументацию необходимости и неизбежности убийства гражданских². Он подчеркивает роль частного волеизъявления и случайности. Свобода воли означает, что отдельные лица и группы не были пешками – у них была сила изменить историю. Несмотря на то что нездоровая политическая система, характеризующаяся «политикой стариков», способствовала доминированию Дэн Сяопина над его коллегами [Chung 2019], миллионы людей восстали и сопротивлялись диктатуре Дэна. Их усилия нельзя стереть танками и оружием, использованными 3 июня.

Случайность означает, что каждое действие, выбор или событие зависело от бесчисленного множества других факторов. Например, несвоевременный отъезд генерального секретаря Чжао Цзяна в Северную Корею 23 апреля 1989 года и прибытие советского лидера Михаила Горбачева в Пекин на саммит 15 мая 1989 года изначально не имели ничего общего с демократическим движением в Китае, но именно они сыграли значимую роль в описываемых событиях. Частные решения разных людей в совокупности привели к результатам, которые оказались шокирующими и не предопределенными.

Я стремлюсь рассмотреть описываемые события в максимально широком контексте, однако такой подход не является исчерпывающим. Отчасти это обусловлено объективной ограниченностью источниковой базы, а отчасти тем, что, выводя на первый план людей, места и события, которым ранее не уделялось внимания, я делаю сознательный выбор: не повторять того, что до меня было неоднократно описано. Например, движение пекинских студентов играет значимую роль в подготовке событий Четвертого июня, но я воздержусь от детального

---

² Политолог Дэвид Скидмор цитирует заявление Генри Киссинджера о том, что «ни одно правительство в мире не допустило бы, чтобы главная площадь его столицы была занята в течение восьми недель десятками тысяч демонстрантов», в качестве примера тезиса о неизбежности применительно к событиям в Китае в 1989 году. См. [Skidmore 2020].

описания их дебатов или философии городской интеллигенции. Я также не останавливаюсь на частных символах или символизме в целом. Я не буду упоминать «сцену человека напротив танка» или посвящать более одного предложения статуе Богини демократии, – эти два символа больше говорят о воображении североамериканских и европейских наблюдателей, чем о том, что произошло в Китае в 1989 году³. Излишняя концентрация на фигуре неизвестного человека, который позволил сделать историческую фотографию, стоя перед танками 5 июня 1989 года, является оскорблением страданий тысяч раненых или стоящих против артиллерийских установок и танков НОАК, чье мужество не попало на камеры.

Иерархия китайского общества в 1989 году была патриархальной, сексистской, антикрестьянской и исповедующей идеологию превосходства ханьского этноса (это означает, что доминирующая этническая группа хань создала систему, которая относилась к «не-ханьцам», в том числе тибетцам и уйгурам, как к низшим группам). Рассказы о событиях Четвертого июня воспроизводят эту иерархию. Они придают слишком большое значение хань и игнорируют опыт сельских жителей, они рассматривают борьбу не ханьских народов за автономию как второстепенную. Они также преуменьшают значение участия и взглядов женщин, а иногда женоненавистнически принижают роль Чай Лин как лидера движения и обвиняют ее в подстрекательстве.

Североамериканские авторы, пишущие о событиях Четвертого июня, живут в обществе, которое само является патриархальным, сексистским и сторонником превосходства белой расы. Это и есть реальность, формирующая научные предпочтения тем, достойных исследования. Мне понадобилось довольно много времени, чтобы научиться распознавать и противостоять иерархиям исключения и дискриминации, в которые я лично вовлечен как привилегированный белый мужчина. Но делать это необходимо. Я намеренно акцентировал внимание на таких авторах, как Чай Лин, Дениз Чун, Чун Яньлинь, Луиза Лим, Ровена Сяоцин Хэ и У Жэньхуа, – которым ранее не придавалось особого значения. Цитаты из их работ я привожу далее, а также в списке рекомендуемой литературы в конце этой книги.

Десять лет назад я планировал проводить семинары о событиях Четвертого июня, чтобы подготовиться, как я надеялся, к тому скорому времени, когда проводить интервью и читать китайские архивные материалы о 1989 годе можно будет открыто. Однако исследования даже по нейтральным темам становятся все более трудными, особенно с тех пор, как Си Цзиньпин занял руководящий пост в 2012 году. Репрессии КПК, замалчивание масштабов демократического движения, а также цензурированная характеристика расправы диктуют необходимость рассказать правду об истории событий Четвертого июня – даже несмотря на ограниченность источников. Студенческое движение в Пекине было ранее задокументировано, источников по этой теме достаточно и за пределами Китая. В сочетании с разоблачающими (но также оправдательными и преследующими личные цели) мемуарами премьера Ли Пэна, генерального секретаря Чжао Цзяяна, журналистов Лу Чаоци, Чжан Ваньшу и других, материалы о студенческом движении дают более полную картину взаимодействия между высшими лидерами, студенческими активистами и простыми гражданами.

Многие документы по расправе и последующим репрессиям остаются недоступны, однако некоторое количество документов из армейских и партийных источников все же проникло в публичное пространство. Рассказы матерей жертв расправы на площади Тяньаньмэнь, работа независимого ученого У Жэньхуа, интервью писателя-диссидента Ляо Иу и мои беседы с выжившими участниками позволяют формировать наиболее полную картину событий 1989 года.

---

³ Майкл Даттон пишет, что «сцена человека напротив танка» – единственная «уличная сцена в Китае, которую стоило запомнить по мнению Запада... Репрезентация настолько сильна, что разрушает другие представления» [Dutton 1998: 17].

Оговорюсь, что я не пользовался таким источником, как «Документы Тяньаньмэнь» (*The Tiananmen Papers*), который в свое время считался авторитетным, но не выдержал испытания временем и на сегодняшний день не может считаться надежным. Большинство «Документов Тяньаньмэнь» взяты из других материалов, поэтому я сверялся с более ранними версиями. Некоторые оригинальные источники «Документов Тяньаньмэнь» представляют собой подробные, не поддающиеся проверке стенограммы сомнительного происхождения, якобы имеющие целью обнародование разговоров высшего китайского руководства⁴. Исключение «Документов Тяньаньмэнь» из источниковой базы и исследование других материалов способствует формированию объемного и достоверного представления о событиях 1989 года. И это представление выходит за рамки описания действий высокопоставленных чиновников и студенческих лидеров.

Некоторые из цитируемых мной источников доступны только в интернете, а это означает, что они в любой момент могут исчезнуть по соображениям цензуры, технического устаревания или отказа правообладателя от продления регистрации домена. Для постоянного доступа к онлайн-источникам я заархивировал все веб-страницы, указанные в сносках, в интернет-архиве Wayback Machine. Если на момент публикации страница уже исчезла, я даю ссылку на архив. Если исходная ссылка в примечаниях станет непригодной для использования, читатели всегда смогут найти заархивированную версию на web.archive.org.

Я многим благодарен за помощь и поддержку. Особую благодарность выражаю студентам Университета Саймона Фрейзера – мы вместе изучали события Четвертого июня. Энергия и увлеченность помогли моим студентам в написании более 70 публикаций в Википедии. Этот факт убедил меня в том, что писать историю Китая 1989 года нужно сейчас, а не ждать идеальных условий. Я также благодарен Дениз Чун, принявшей участие в моем семинаре, за ее вдохновляюще выступление; Чай Лин, отвечавшей на вопросы студентов на встрече по скайпу; Луизе Лим, обсуждавшей со студентами свою книгу по скайпу, и многим другим.

У Жэньхуа – ведущий мировой эксперт в области исследования событий Четвертого июня – поделился со мной своими уникальными знаниями. Тимоти Чик и Перри Линк поддерживали меня с самого начала. Они прочитали мою рукопись и написали подробный отзыв, за что я им бесконечно благодарен. Беседы с Ровеной Сяоцин Хэ, Чжун Яньлинем, Джереми Барме и многими людьми в Китае, чья жизнь изменилась после событий 1989 года, но имена которых здесь назвать нельзя, значительно обогатили эту книгу, равно как и онлайн-общение с Майклом Салливаном, Джозефом Торирианом и У Гогуаном.

Я благодарю Пола Г. Пиковича, Карла Герта, аспирантов из Сан-Диего и Ирвина за приглашение присоединиться к поездке в Восточноазиатскую библиотеку Стэнфордского университета, где библиотекарь Чжаохуэй Сюэ оказала важную помощь в поиске материалов. На конференции в Ла-Хойе, ставшей результатом исследовательской поездки, я услышал важные для меня отзывы Ричарда Мэдсена, Сары Шнеевинд, Джеффри Вассерстром и студентов семинара Пиковича.

Я также благодарен Арунабу Гошу и Роберту Айзингеру за предоставленную мне возможность рассказать в Гарвардском университете и Университете Роджера Уильямса о последовавших за расправой репрессиях.

Я благодарен Жасмин Чэнь, артистам и сотрудникам театральной труппы «Артс Клуб» в Ванкувере за то, что они пригласили меня принять участие в академической дискуссии, состоявшейся после показа замечательной пьесы Лорен И «Большой скачок». Высказывания

---

⁴ Критика Альфреда Чаня «Документов Тяньаньмэнь» остается убедительной – особенно в сочетании с оценкой Джозефом Торирианом более актуальных и надежных документов «Последний секрет» (*The Last Secret*). См. [Chan 2004; Chan 2005]. См. также [Tsoi 2019], а также комментарии Торириана в Graeme Smith, Louisa Lim, Bao Pu, and Joseph Torigian, “Tiananmen’s Final Secret,” Little Red Podcast, June 2, 2019. URL: <https://omny.fm/shows/thelittle-red-podcast/tiananmens-final-secret>.

Мэйбл Тан и Анны Ван во время дискуссии помогли мне по-новому взглянуть на события Четвертого июня.

Сотрудники библиотеки помогли мне найти источники, которые впоследствии послужили материалом для моей книги. Я благодарен сотрудникам межбиблиотечного абонемента в Университете Саймона Фрейзера, занимавшихся поиском, получением и физическим перемещением многочисленных томов книг. Я также хочу поблагодарить сотрудников Публичной библиотеки Бернаби, коллекции Фэйрбэнк библиотеки Фун Гарвардского университета, Национальной центральной библиотеки в Пекине, Национальной центральной библиотеки в Тайбэе, Национальной библиотеки Университета Чэнчи, Университетского обслуживающего центра китайских исследований при Китайском университете Гонконга и Библиотеки Восточной Азии при Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе.

Я выражаю благодарность Крису Бакли из «Нью-Йорк Таймс» за предоставление источников; а также и Эндрю Джейкобсу за материалы его репортажа, касающегося военной стороны событий Четвертого июня. Тимоти Брук поделился своей VHS-коллекцией пропагандистских документальных фильмов, подающих события Четвертого июня в искаженном виде. Какими бы болезненными и раздражающими ни были эти фильмы, мне нужно было их увидеть. Спасибо, Тим, за возможность просмотра.

Три научных ассистента помогли мне с газетами, мемуарами, дневниками и видео. Я не хочу создавать вам проблемы, называя вас здесь, но вы знаете, о ком речь. Спасибо!

Во время моего пребывания в Университете Саймона Фрейзера мне посчастливилось работать с тремя заведующими кафедрой истории: Марком Лейером, Хилмаром Пабелем и Дженнифер Спир. Они помогли создать доброжелательную рабочую атмосферу, позволившую мне закончить книгу. Я высоко ценю предоставленную Университетом Саймона Фрейзера возможность говорить, писать и преподавать свободно. Процесс написания книги о событиях Четвертого июня был постоянным напоминанием никогда не воспринимать эту свободу как должное. Я высоко ценю своих коллег по кафедре истории, факультету искусств и социальных наук, а также благодарен ассоциации преподавателей и администрации университета, которые работают во имя свободы, толерантности, равенства, плюрализма и инклюзивности. Одним из небольших, однако весьма важных шагов по работе в этом направлении является уважительное признание того, что я написал эту книгу, живя и работая на неконцессионной территории народов сквамиш, цлейл-ватут, мусквиам и квикветлем.

Я благодарен Мэригольд Акланд из Издательства Кембриджского университета за предоставление мне этого проекта, и я глубоко благодарен Люси Раймер за ее постоянную помощь в работе над книгой. Также хочу отметить помощь шестерых за их конкретный вклад: Кэролин Браун вычитала и исправила текст; Дэнни Фрейзер создал убедительные иллюстрации, позволяющие читателям визуализировать то, что произошло в 1989 году; тщательная корректура Джона Гонта помогла сократить количество ошибок настолько, чтобы их можно было сосчитать; Шерил Ленсер сделала прекрасный библиографический указатель; а Эмили Шарп и Наташа Уилан позаботились о том, чтобы издание работы было беспроблемным. Я благодарен Фонду университетских публикаций Университета Саймона Фрейзера за финансирование, покрывшее расходы на индексацию и иллюстрации.

Работа над книгой продвигалась медленно, пока в жизнь моей семьи не вошла группа замечательных людей. Доктор Хамад Абдул Раман вывел нас на верный путь и удержал на этом пути – большое вам спасибо. Столь же огромная благодарность Кристине Абасоло, Нэнси Бартон, Марку Карри, Саре Гэтисс-Браун, Дэйву Гэтиссу, Кариму Джону, Нушабе Нушин, Мишель Сейгель, Кэтрин Уильямс, Пэм Воронко и другим учителям и воспитателям. Сострадание и позитивный настрой, которые все мы – Лора, Генри и Лео – почувствовали тогда и продолжаем чувствовать, сложно переоценить. В последние месяцы написания книги травмы бедра и спины сделали мою жизнь (и набор текста) трудными и болезненными. Надин Немб-

хард из «Рестор Физиотерапи» помогла мне и дала возможность почувствовать свою силу. Заботливые опытные специалисты, о которых я говорю в этом абзаце, возможно, не осознавали, что помогли мне закончить книгу, но я не могу не отметить их вклад в мою работу.

Хронология

5 ноября 1986 года	Более десяти тысяч студентов вышли на марш в Чанше
Декабрь 1986 — январь 1987 года	Ху Яобан снят с поста генерального секретаря после студенческих протестов в Хэфэе, Шанхае, Пекине и других городах
Декабрь 1988 года	Тысячи китайских студентов протестуют в Нанкине после драки между африканскими студентами и службой охраны в Университете Хэхай
Март 1989 года	Силы безопасности жестоко подавили протесты тибетцев в Лхасе, погибло более 400 человек. Ли Пэн объявил военное положение в Лхасе
7 апреля 1989 года	В знак протеста против ограничений свободы слова на Тайване издатель Чэн Нан Чжун (также известный как Нейлон Чэнь) совершает акт самосожжения в своем офисе в Тайбэе
7 апреля 1989 года	На Тайване отмечается как День свободы слова
8 апреля 1989 года	У Ху Яобана случился сердечный приступ во время заседания Политбюро
15 апреля 1989 года	Ху Яобан умирает в больнице
17 апреля 1989 года	Оркеш Делет (Уэр Кайси) обращается к студентам Пекинского педагогического университета
18 апреля 1989 года	Чай Лин преследует полиция недалеко от ворот Синьхуа — входа в комплекс строений, занимаемых правлением КПК

22 апреля 1989 года	Церемония прощания с Ху Яобаном. Протестующие в Чанше и Сиане штурмуют правительственные здания, их разгоняет полиция
23 апреля 1989 года	Чжао Цзыян отправляется в Северную Корею
25–26 апреля 1989 года	Официально протестное движение охарактеризовано как «беспорядки», трансляции по телевидению и радио, публикации по всей стране
27 апреля 1989 года	Около 100 тысяч студентов вышли на площадь Тяньаньмэнь
29 апреля 1989 года	Формальный диалог между студентами и официальными лицами в Пекине
30 апреля 1989 года	Чжао Цзыян возвращается в Пекин из Северной Кореи
4 мая 1989 года	Чжао Цзыян сообщает делегатам Азиатского банка развития, что проблемы должны быть решены «демократически и законно» и «крупных беспорядков в Китае не произойдет»
6 мая 1989 года	Марш более 10 тысяч мусульман в Ланьчжоу в знак протеста против книги «Сексуальные обычаи». Цензоры в Пекине остановили продажу и приказали уничтожить все копии
11 мая 1989 года	Дэн Сяопин встречается с президентом Ирана Али Хаменеи
12 мая 1989 года	Мусульмане протестуют против «Сексуальных обычаев» в Пекине, Хух-Хото, Ланьчжоу и Синине
13 мая 1989 года	Студенты начинают голодовку на площади Тяньаньмэнь
14 мая 1989 года	Встреча-диалог студенческого актива и официальных лиц заканчивается беспорядками в Пекине

- 15 мая
1989 года Советский лидер Михаил Горбачев прибывает в Пекин. Слухи о самосожжениях на площади Тяньаньмэнь и рядом с ней. Около 20 тысяч мусульман участвуют в официально разрешенном марше в Сиане
- 17 мая
1989 года На встрече в доме Дэн Сяопина Дэн рассказывает Чжао Цзыяну и другим членам Постоянного комитета Политбюро, что он решил ввести военное положение. Чжао высказывается против введения военного положения
- 17–18 мая
1989 года Демонстрация более миллиона жителей Пекина в поддержку участников голодовки
- 18 мая
1989 года Ли Пэн встречается с участниками голодовки в Большом зале народных собраний. Тысячи мусульман протестуют в Иньчуане и Урумчи
- 19 мая
1989 года Дэн Сяопин говорит старейшинам, военным чиновникам и Ли Пэну, что он выбрал секретаря Шанхайской партии Цзян Цзэминя, который заменит Чжао Цзыяна. Приблизительно 304 тысячи студентов из провинций прибывают в Пекин на 51-м поезде. В Тайбэе Чань Ихуа совершает самоубийство путем самосожжения на похоронах Чэн Нан Чжуна
- 20 мая
1989 года В Пекине вступает в силу военное положение. 10:00 — граждане блокируют продвижение войск в город. Генерал Сюй Циньсянь, лидер 38-й группы армий, отказывается выполнять приказ о введении военного положения
- 22 мая
1989 года Лу Дэчэн, Юй Дунъюэ и Юй Чжицзянь бросают яйца с краской в портрет Мао Цзэдуна на площади Тяньаньмэнь
- 23 мая
1989 года Формируется Объединенная группа связи всех кругов столицы, или Совместная группа по связям внутри столицы (СГСВС), как зонтичная организация группы протеста

24 мая 1989 года	Войска Народно-освободительной армии (НОАК) выходят из Пекина и перегруппировываются
28 мая 1989 года	Соратник Чжао Цзыяна Бао Тун заключен под стражу в тюрьме Циньчэн; секретарь Бао Туна У Вэй заперт в охраняемом комплексе за пределами Пекина
29 мая 1989 года	Ли Пэн возглавляет Постоянный комитет Политбюро во время встречи, на которой обсуждаются действия НОАК на площади Тяньаньмэнь
31 мая 1989 года	Дэн Сяопин и Ян Шанкунь дают согласие на действия НОАК — наступление и очистка площади Тяньаньмэнь
1 июня 1989 года	800 студентов из Нанкина направляются пешком на север, в сторону Пекина, в рамках акции протеста «Великий поход»
1–2 июня 1989 года	В 3 часа ночи 2 июня 25 тысяч солдат и офицеров собираются в Большом зале народных собраний и других районах вблизи площади Тяньаньмэнь
3 июня 1989 года	Войска НОАК продвигаются к площади Тяньаньмэнь. Армия открыла огонь по мирным протестующим после 22:00 вдоль главного проспекта Пекина с востока на запад; сотни убитых, среди них подростки Цзян Цзелянь, Ван Нань и другие. Сяо Бо, Ван Вэйпин, Сюн Чжимин и другие застрелены при попытке помочь пострадавшим. Солдаты застрелили Лю Цзиньхуа и Лю Чжэньин при попытке купить лекарства для своих детей

- 4 июня
1989 года
- Расправа в Пекине продолжается всю ночь и весь следующий день. Сообщается, что не менее пяти студентов застрелены на площади Тяньаньмэнь: Чэн Жэньсин, Дай Цзиньпин, Хуан Синьхуа, Ли Хаочэн и Чжоу Дэпин. Солдаты НОАК убивают людей при попытке добраться до работы или домой. Погибли Чэнь Цзыци, Дай Вэй, Ли Чунь, Лю Цзюньхэ, Ван Хунци, Ван Цзюньцзин и Ван Цинцзэн. Танками раздавлены 11 студентов Любукоу, среди них Дун Сяоцзюня, Гун Цзифан, Линь Жэньфу, Тянь Даомин и Ван Пэйвэнь
- 5 июня
1989 года
- В Пекине НОАК продолжает эпизодически убивать мирных жителей. Около 6:40 Пэн Цзюнь был смертельно ранен, когда выходил на завтрак. В Чунцине 28-летний рабочий Сюй Ваньпин отреагировал на расправу в Пекине путем образования Китайской партии действия
- 6 июня
1989 года
- Более трех тысяч протестующих атакуют штаб 27-й группы армий в Шицзячжуане. В Шанхае поезд давит протестующих, блокирующих пути, в результате восемь человек погибают и более 30 ранены. НОАК продолжает убивать мирных жителей в Пекине, в их числе 12-летний мальчик, возвращающийся домой из школы, а также двое молодых людей чуть старше 20 — Ван Чжэншэн и Ян Цзыпин
- 26 июня
1989 года
- Террористы взорвали поезд на окраине Шанхая, в результате чего 24 человека погибли и 51 ранен
- 28 июня
1989 года
- Еще один взрыв поезда, на этот раз в Гуйчжоу, пять человек погибли и 12 получили ранения

Часть первая КИТАЙ В 1980-Е ГОДЫ

Глава 1 Счастье

Поначалу казалось, что жизненные пути Лу Дэчэна и Чай Лин в 1980-е годы никак не совпадали. Лу, которому летом 1981 года исполнилось 18 лет, работал автомехаником в тихом городке в провинции Хунань. Он был вспыльчивым и упрямым, и у него были неприятности с законом – после того как он добавил каплю пестицида в термос своего коллеги [Chong 2009: 74]. Лу был опытным механиком, но возможности развиваться у него практически не было. Чай Лин была на три года моложе Лу Дэчэна, и перспектив у нее было больше. Она была талантливейшей студенткой-отличницей. Родилась Чай Лин в обычном городке в провинции Шаньдун, а в 1983 году сдала экзамены в Пекинский университет – ведущее высшее учебное заведение Китая. У Чай была возможность учиться и расти, она находилась в «яркой, динамичной» университетской среде 1980-х. Чай Лин изучала психологию, занималась бегом, писала для университетской газеты, вошла в руководство студенческого совета, работала в кофейне, по субботам ходила на танцы [Chai 2011: 38].

1980-е в Китае были сложным временем – одним эти годы дали больше свободы и возможностей, другим – чувство тревоги и неопределенности. Чай Лин в этих условиях могла оказаться в «победителях» – на вершине социальной пирамиды, а у Лу Дэчэна таких возможностей не было. Но Чай и Лу объединяло одно событие: их жизни резко изменились в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Чай стала олицетворением студенческого движения в Пекине. Она была оратором и вдохновила сотни людей присоединиться к решающей голодовке, она стала самопровозглашенным лидером одной из протестных площадок в конце мая 1989 года.

3 и 4 июня 1989 года во время жестокого подавления протеста силами НОАК Чай Лин оставалась на площади с последней группой студентов, пока армия не позволила им уйти. Чай вскоре бежала из Пекина, а затем покинула Китай и начала новую жизнь в США.

Лу Дэчэн стал известен в мае 1989 года. Услышав о студенческой голодовке, он вместе с друзьями отправился из провинции Хунань в Пекин. Они хотели атаковать «сердце диктатуры» КПК. 22 мая 1989 года Лу и его друзья забросали наполненными краской яйцами портрет Мао Цзэдуна на площади Тяньаньмэнь. Опасаясь, что вандализм чужаков вызовет насильственную реакцию со стороны правительства или что метатели яиц сами окажутся засланными правительством подстрекателями, студенты передали Лу и его друзей полиции. Лу был приговорен к 16 годам заключения за контрреволюционный саботаж. Он был освобожден после девяти лет заключения; через несколько лет он бежал из Китая и оказался в Канаде.

Однако участие в протестах на площади Тяньаньмэнь не единственное, что связывает Лу Дэчэна и Чай Лин. Судьбы таких людей, как Чай и Лу, проливают свет на обстановку в Китае накануне событий 1989 года. Опыт этих людей повествует о том, что в 1980-е годы делало людей в Китае счастливыми, а что раздражало и злило. Радостные моменты их жизни рождали надежду. Но они терпели неудачи, получали душевные травмы, которые неизбежно лишали их веры в счастливое будущее. Это в конечном счете и стало причиной протестов. Чтобы в полной мере оценить события на площади Тяньаньмэнь, нам нужно обратиться к глубинным мотивам протестующих, узнать, какие события предшествующего десятилетия порождали в них радость и гнев.

18 сентября 1976 года учитель средней школы, в которой учился Лу Дэчэн, подверг его резкой критике, потому что Лу не заплакал на гражданской панихиде по Председателю Мао. Смерть Мао Цзэдуна не изменила в Китае все и сразу, но конец эпохи Мао и Культурной революции (1966–1976) открыли путь к личным и политическим свободам. В 1970-е годы даже школьникам приходилось сталкиваться с критикой и участвовать в политических ритуалах, таких как организованный коллективный плач. Людям, осмелившимся открыто критиковать Мао, и даже тем, кто неумышленно осуждал вождя, грозило тюремное заключение. В конце 1970-х местные суды пересмотрели дела этих «контрреволюционеров», освободили их и возместили ущерб [Leese 2015: 102–128]. Контрреволюция как преступление формально сохранялась в законных актах и в течение 1980-х годов, но китайцам по большей части уже не приходилось бояться, что их коллеги, соседи или члены семьи могут считать их политическими врагами.

Конец 1970-х также принес освобождение от официальной системы классовых ярлыков, которая стигматизировала миллионы семей с тех пор, как коммунисты пришли к власти в 1949 году. Изначально система предназначалась для наказания помещиков и капиталистов, эксплуатировавших крестьян и рабочих в 1950-е годы, а также для наблюдения за ними. Однако в 1960–1970-х классовые ярлыки превратили китайское общество в кастовую иерархию, ограничивающую доступ к системе образования и трудоустройству детям политических врагов. Последние во времена правления Мао были объектом преследований и насилия со стороны участников различных политических движений. В 1979 году высшее коммунистическое руководство страны заявило о прекращении использования таких ярлыков, как помещик (*чжуди*) и зажиточный крестьянин (*фунцун*); все сельчане назывались теперь просто членами коммуны (*гуниэ шэюань*) [Brown 2015: 73]. Модернизация, а не классовая борьба против бывших эксплуататоров, стала главным направлением политики партии.

В 1980-е годы модернизация рождала радость и надежду. Для многих, особенно для студентов и представителей интеллигенции, это означало свободу. Можно было получить высшее образование, обсуждать различные вопросы, читать иностранные статьи и книги, ездить за границу на научные конференции. По сравнению с десятилетием 1970-х это было серьезным шагом. Физик Фан Личжи, осужденный и «перевоспитанный» каторжными работами в угольных шахтах во времена Мао, в конце 1970-х и начале 1980-х годов читал лекции по всему Китаю, бросая вызов классическому марксизму. Фан писал об этом опыте: «Я пришел к выводу, что главная проблема, с которой столкнулась модернизация в конце 1970-х годов, заключалась не в том, что люди были невежественны, а в том, что они даже не знали, что они невежественны» [Fang 2016: 186]. Марксизм по-прежнему оставался доминирующей идеологией, однако курс на модернизацию в 1980-х означал, что у Маркса и Энгельса появились идеологические конкуренты.

И профессура, и студенты находили удовольствие в том, чтобы бросать вызов ортодоксальности. Писатель Фрэнки Хуан характеризовал это как

взрыв экспрессии, который стал катарсисом после многолетних репрессий. В этой [новой] среде люди ощущали свободу высказывать свою точку зрения, не опасаясь последствий. Мой отец вспоминает, как прощупывал почву, сказав в присутствии партийного секретаря своего университета «Коммунистическая партия не священна». Ему даже не сделали выговор, не говоря уже о наказании [Huang 2019].

Такие студенты, как Чай Лин, были глубоко затронуты этими переменами. Если бы она родилась на несколько лет раньше, то ее, возможно, отправили бы в деревню заниматься сельским хозяйством. Но благодаря интеллектуальному брожению и открытости новым идеям она смогла поступить в лучший вуз Китая. В 1980-х в Пекинском университете Чай даже посещала

лекции, знакомящие с американскими теориями в психологической науке. Они произвели на нее глубочайшее впечатление.

Пекинская жизнь сильно отличалась от жизни в городе Люян провинции Хунань. В Хунани Лу Дэчэн не читал книги и не посещал академические лекции. Однако в 1980 году в возрасте 18 лет он тоже испытал свободу, пусть и совершенно иного типа: он смог влюбляться и заниматься сексом. В Люяне знакомство через родителей или друзей было нормой, однако Лу и его девушка Ван Цюпин стали парой после встречи на матче по бадминтону. Вопреки возражениям родителей Лу и Ван поселились на окраине города и стали жить как муж и жена [Chong 2009: 98–106].

Сексуальные нормы в китайском обществе начали меняться уже в 1970-х: некоторые сельские семьи стали рассматривать секс до брака как часть стратегии по развитию долгосрочных и стабильных отношений, а городская молодежь устраивала тайные танцевальные вечеринки. Эти тенденции сохранились и в 1980-х годах⁵. В 1986 году Шэнь Тун был студентом первого курса Пекинского университета. Он вспоминал, что когда он и его подруга Сяоин начали заниматься сексом, «это было освобождением, потому что всю свою жизнь я слышал, что сексом можно пренебречь и им занимались только для того, чтобы иметь детей». Шэнь связывал сексуальную свободу с личным освобождением в более широком смысле. Он писал: «Поскольку мы жили в обществе ограничений, я, естественно, считал занятие сексом чем-то антиправительственным» [Shen 1990: 111–112].

Чай Лин также стала сексуально активной, будучи студенткой бакалавриата Пекинского университета. Она познакомилась со студентом-физиком по имени Цин. Преодолев проблемы с разделенными по половому признаку общежитиями и ограничениями на свидания, Чай и Цин стали физически близки. Два года спустя Чай и Цин расстались, и Чай вступила в отношения с политическим активистом Фэн Цундэ. Они поженились весной 1988 года. Влюбленные пары, такие как Чай Лин и Фэн Цундэ, а также Лу Дэчэн и Ван Цюпин, нашли способ быть вместе, обходя государственные ограничения, направленные на снижение рождаемости в Китае. Когда Чай и Фэн попытались зарегистрировать брак, они узнали, что в сумме возраст молодоженов должен составлять 48 лет. Им не хватило четырех лет. Фэн не испугался и подделал документы, удостоверяющие личность. Так он сумел обмануть клерка, оформлявшего свидетельства о браке [Chai 2011: 80].

Одним из наиболее важных изменений в жизни Китая 1980-х стала политика «одна семья – один ребенок», последствия которой привели к трагедиям как Чай Лин, так и Лу Дэчэна и Ван Цюпин. Однако для деревенских женщин, переживших 1950–1960-е годы, государственная концепция ограничения рождаемости стала поводом для радости. «Политика одного ребенка» стала результатом политических дискуссий о том, как рост населения Китая препятствует экономическому развитию.

Китайское руководство было обеспокоено быстрым ростом населения и не находило выхода из сложной ситуации. В 1979 году Сун Цзянь – аэрокосмический инженер, демограф и политик – создал сложные модели, доказывающие, что неконтролируемый рост населения представляет собой угрозу национальному выживанию Китая. Он утверждал, что единственным решением является снижение к 1985 году средней рождаемости в Китае до одного ребенка на женщину, при этом такой уровень рождаемости должен был, по его мнению, удерживаться 20–40 лет. Когда демограф Лян Чжунтан из Партийной академии Шаньси увидел модель Сун Цзяня, он понял, что единственный способ реализовать этот план – принуждение. Лян Чжунтан утверждал, что затраты были бы слишком высоки и что чрезмерно низкий уровень рождаемости приведет к неблагоприятным последствиям, таким как нехватка рабочей силы и быстрое старение общества. Демограф выступал за ограничение рождаемости двумя детьми в семье.

---

⁵ О сельских моделях см. в [Yan 2003: 65–66]; о городских вечеринках см. в [Farrer 2002: 66–67; Pickowicz 2019: 66–68].

Но в конце концов яркая научная модель Сун Цзяня, а также его связи в правительственных и военных кругах убедили высшее руководство Китая в необходимости политики «одна семья – один ребенок» [Greenhalgh 2008].

Пожилые селянки не знали о политической борьбе, предшествовавшей ограничению рождаемости, но многие из них поддержали эту инициативу и усердно работали над ее реализацией в 1980-е годы. Историк Гейл Хершаттер брала интервью у женщин в деревнях провинции Шэньси, она пишет:

Поскольку работа по планированию рождаемости в сельской местности активизировалась после 1979 года, женщины, родившие много детей в 1950-х и 1960-х годах, стали самыми активными сторонниками новой политики. Многие из них вошли в число местных кадров по планированию рождаемости. Они знали из личного опыта, что содержать и заботиться о большом количестве детей должным образом очень трудно [Hershatter 2011: 208–209].

Фэн Сумей была руководителем женской группы, которая убеждала жителей деревни в необходимости ограничивать рождаемость. Фэн говорит, что «в большинстве семей женщины соглашались с планированием семьи, а мужчины – нет... Насколько же тяжела была работа по дому для женщин, когда у них слишком много детей!» [там же]. Некоторые селянки в 1980-е годы рассматривали кампанию по ограничению численности семьи скорее как личное освобождение, чем как насильственное вторжение государства в частную жизнь.

В начале 1980-х в Китае преобладало здоровое и грамотное население. Увеличение продолжительности жизни и распространение образования произошли в годы правления Мао, они же способствовали и быстрому экономическому росту после его смерти [Naughton 2007: 82]. Сельские рынки и поселково-сельские предприятия уходят своими корнями в 1950-е, 1960-е и 1970-е годы.

Никто в семье Лай Чансина, уроженца провинции Фуцзянь, не имел образования. Сам Лай, родившийся в 1958 году, едва знал грамоту. Во время Культурной революции отец Лая незаконно присвоил болотистый участок земли, чтобы использовать его под огород [August 2007: 101]. Самостоятельная обработка земли за рамками коллективной системы являлась политически рискованной стратегией выживания во времена Мао, однако многие сельские семьи решили сами осуществить деколлективизацию еще до того, как в 1980-е годы государство дало официальное разрешение. Семьи, занимавшиеся частным, а не коллективным сельским хозяйством, получили преимущество, когда в 1980-х годах появилась возможность заняться бизнесом и зарабатывать деньги. То же самое делали и чиновники, имевшие привилегии, они могли приобретать товары по низким ценам, установленным государством, что позволило им получать прибыль от перепродажи товаров.

Чиновники могли облегчить или усложнить жизнь предпринимателям; это порождало взяточничество – владельцы мелкого бизнеса «подмазывали» власти в обмен на лицензии и налоговые льготы. Лай Чансин усвоил все это на собственном горьком опыте. Проработав два года подмастерьем у кузнеца, в 1979 году он открыл собственную мастерскую по производству автозапчастей. Лай вложил свою прибыль в обувную фабрику, магазины одежды и бизнес по импорту телевизоров, а также в другие предприятия [там же: 102]. «Вы могли открыть бизнес утром и заработать деньги к вечеру, – говорил Лай журналистке Ханне Бич, – тогда все было настолько свободно и открыто, что у всех было по несколько предприятий. Глупо не заняться этим» [Beech 2002].

По словам его семьи, успех Лая в конце концов привлек внимание местных чиновников. Двое чиновников, которым он отказался давать взятки, пришли к нему домой, чтобы провести аудит его бизнеса по импорту телевизоров. Когда сестра Лая попыталась им сопротивляться, они избили ее, обвинили Лая в налоговом мошенничестве и начали аудит других его предпри-

ятий. В результате Лаю пришлось ликвидировать бизнес в Шаоцзю, он переехал в большой город Сямьнь и начал все сначала. Урок он усвоил. В Сямэне успеху Лая в построении крупной бизнес-империи способствовала его новообретенная способность радовать чиновников подарками [August 2007: 105]. Выстраивая отношения с чиновниками нужным образом, Лай смог нажить состояние.

Этот коррупционный метод получил широкое распространение в 1980-е годы. Нечистые на руку чиновники были счастливы – ведь вместо того чтобы постоянно быть мишенью политических кампаний эпохи Мао, они наконец могут использовать свое служебное положение для получения выгоды! Так, сельский партийный секретарь провинции Гуандун по имени Цинфа присвоил себе участок земли, дал местным жителям понять, что с удовольствием обменяет нужные им услуги на «подарки», и направил прибыль от деревенских предприятий своим родственникам. Большинство сельских жителей, которые благодаря новой политике начала 1980-х оказались в выигрыше, приняли образ действий Цинфа как норму. «Некоторые из них чувствовали, что поступили бы так же, будь они на его месте», – писали трое ученых, проводивших полевые исследования в деревне недалеко от Гонконга. «Злоупотребления Цинфа, казалось, соответствовали широко разделяемому настроению циничного приватизма и стремления к выгоде» [Chan & Madsen & Unger 2009: 278–280].

Связь коррумпированных чиновников с дающими взятки в 1980-е годы позволила некоторым увеличить доходы, но большинство по-прежнему стремилось в тому, к чему привыкли со времен Мао: *даньвэй* – системе производственной организации.

После окончания университета студенты, например Чай Лин, могли рассчитывать на предоставление им рабочего места – обычно в офисе, на фабрике или в школе. Им не только выплачивали зарплату, но также предоставляли жилье, медицинское обслуживание, уход за детьми и бесплатную школу. Производственная организация выдавала разрешение на поездки и покупку нормированных товаров. Жизнь в рамках системы *даньвэй* была сложной, однако семья Лу Дэчэна рассматривала трудоустройство на автобусной станции Люян как благо, потому что оно означало безопасность и стабильность. Жизнь в системе *даньвэй* казалась менее рискованной, чем занятие частным бизнесом. Даже после того как Лу Дэчэн подсыпал пестицид в термос сослуживца, он сумел сохранить рабочее место. Для увольнения требовался гораздо более серьезный проступок.

* * *

В 1980-е годы большинство китайцев не следили за политикой. Однако высшее руководство Китая постоянно размышляло о том, как модернизировать страну, сохраняя при этом КПК у власти. Нахождение правильного баланса между частным предпринимательством и контрольно-надзорной функцией системы производственных организаций было лишь одной из задач, занимавших умы высокопоставленных китайских чиновников.

Одной из главных проблем, с которой столкнулись высшие лидеры и которая волновала и простых людей, пострадавших в тяжелые 1970-е, была проблема реформирования политической и экономической систем. Журналист Ян Цзишэн писал, что лидеры рассматривали четыре различных пути развития, каждый из которых определялся либо политической переменной (диктатурой или демократией), либо экономической (плановым или рыночным хозяйством). Одним из возможных путей развития было продолжение Культурной революции, сочетающее в себе диктатуру с социалистической плановой экономикой 1960–1970-х. Такой путь означал приоритет тяжелой городской и внутренней промышленности, ориентированной на национальную оборону, подпитываемой за счет выемки зерна у связанных с сельскими коммунарами фермеров, при одновременном запрете частных рынков и предпринимательства. В октябре 1976 года преемник Мао Хуа Гофэн категорически отказался от этого пути, приказав аресто-

вать основных сторонников этой политики: Цзян Цин, Ван Хунвэня, Яо Вэньюаня и Чжан Чуньцяо, известных как «Банда четырех» [Ян 2004: 4].

Другой вариант пути – сохранить диктатуру КПК наряду с введением элементов гибкой плановой экономики, сходной с экономикой Китая до 1957 года. Эту точку зрения отстаивал Чэнь Юнь, стоявший у руля экономической политики в середине 1950-х годов и вернувшийся к политической известности в 1978 году в возрасте 73 лет. Историк Джулиан Гевирц утверждает, что Чэнь Юнь часто оказывается «карикатурно представленным в контексте китайских реформ как исключительно консервативная сила», но Чэнь на самом деле выступал за использование рыночных механизмов в «дополнительной и второстепенной» роли на фоне преобладающей социалистической плановой экономики [Gerwitz 2017: 46].

Дэн Сяопин, оттеснивший Хуа Гофэна и в возрасте 74 лет в 1978 году ставший высшим руководителем Китая, выбрал третий путь: рыночную экономику, открытую для иностранных инвестиций, но находящуюся под контролем авторитарной власти КПК. Центральное положение Дэна как бесспорного лидера на протяжении 1980-х было проблемой не только для Чэнь Юня, которого Дэн оттеснял на второй план, отказывая ему в возможности выступать на собраниях, но и для сторонников четвертого пути развития Китая: демократической политической системы в сочетании с открытой экономикой [Ян 2004: 18–22]. Отказ от призывов к демократии, а также работа бок о бок с такими людьми, как Чэнь Юнь, опасавшимися негативных последствий рыночных реформ, означала, что несмотря на то что Дэн и выбранный им путь одержали победу, путь реформ был непрост. Перспективы экономических и политических реформ оставались неустойчивыми на протяжении всех 1980-х. Существовала общая, хотя и не абсолютная, тенденция к большей открытости и многообещающим изменениям в четные годы десятилетия. Однако за свободными выборами в местные собрания народных депутатов в 1980 году и публичными дискуссиями о системных изменениях в 1986-м часто следовала негативная реакция и репрессии в нечетные годы – 1981, 1983, 1987 и судьбоносный 1989 год [там же: 19].

Готовность Дэна продвигать свой путь реформ, подавляя при этом другие возможности, не сильно ударила по его популярности среди населения в середине 1980-х. К 1984 году многие китайцы чувствовали искреннюю привязанность к Дэну и его способности уберечь Китай от перегибов эпохи Мао. Фотограф «Жэньминь жибао» Ван Дун запечатлел это чувство 1 октября 1984 года на фотографии – студенты Пекинского университета на параде в честь Дня образования КНР разворачивали транспарант с надписью «Здравствуй, Сяопин!» («Сяо Пин, ни хао!»). Это был одновременно уважительный и неформальный способ обращения к высшему руководителю страны. Фотография была опубликована в «Жэньминь жибао» на следующий день, а 3 октября 1984 года в газете вышла первая из статей об изготовлении транспаранта, в которой говорилось о хорошем отношении образованных людей к Дэн Сяопину⁶.

Создатели транспаранта изначально планировали обратиться к Дэну «товарищ Сяопин», но им не хватило места на ткани. «У нас были некоторые опасения, потому что мы опускаем слово “товарищ”, – сказал Го Цзяньвэй. – Потому что в Китае к лидерам обращались не так... Но после долгого обсуждения мы почувствовали, что в этом нет злого умысла; мы просто хотели поприветствовать лидера от имени студентов университета». Поскольку транспарант не был заранее согласован с администрацией университета, Го Цзяньвэй и его сокурсникам пришлось украдкой пронести его на площадь Тяньаньмэнь на празднование Дня образования КНР. Они опасались, что транспарант могут счесть контрреволюционным и у них будут проблемы. Го Цзяньвэй даже спрятался в доме родственника после парада, потому что боялся полиции. Но в конце концов риск студентов был вознагражден положительным освещением

⁶ *Жэньминь жибао*. 1984. 2 октября. С. 2. 3 октября. С. 3.

события в СМИ. «Фамильярно» поприветствовавшие Дэна студенты укрепили его имидж как лидера, пользующегося широкой народной поддержкой [Martinson 2008].

Ретроспективное мифотворчество вокруг фигуры Дэн Сяопина выходит за рамки истории с плакатом «Здравствуй, Сяопин!». Когда рассказывают об этом событии, то чаще всего забывают упомянуть об опасениях студентов. Такое фамильярное обращение к диктатору могло повлечь за собой аресты. Более крупные мифы связаны с ролью Дэна в реформировании китайской экономики и открытии страны для иностранных инвестиций. Безусловно, Дэн – центральная фигура этой истории, в конце концов, именно он принимал окончательные политические решения и был главной фигурой на протяжении 1980-х. Но признание всех достижений Китая как заслуги одного Дэн Сяопина сводит на нет вклад Хуа Гофэна, генерального секретаря Ху Яобана, премьера Чжао Цзяяна и даже зарубежных экономистов. Так, назначенный Мао преемник Хуа Гофэн еще в конце 1970-х годов – задолго до того как Дэн отодвинул Хуа Гофэна на второй план и назвал его противником реформ – соглашался с необходимостью проведения экономических реформ, в том числе и с необходимостью создания особых экономических зон, допускающих иностранные инвестиции [Teiwes & Sun 2011].

Ху Яобан стал генеральным секретарем Коммунистической партии в 1982 году, он имел репутацию честного чиновника, всегда готового к диалогу. Оставаясь сторонником однопартийной системы, Ху Яобан настаивал на толерантности, а не на методах диктатуры [Pu & Chiang & Ignatius 2009: 255]. Весной 1980 года, до того как Ху переехал в офис генерального секретаря партии в Чжуннаньхае, студент второго курса Пекинского университета по имени Ван Цзюньтао вместе с механиком Лу Пу постучали в дверь его дома и сказали, что хотят поговорить с ним о политике. Ху впустил гостей и четыре часа дискутировал с ними о политических реформах и демократии. Лидер посоветовал заниматься улучшением китайской системы постепенно, а не ломать ее, напомнив о собственном революционном прошлом и о том, как ему потребовалось время, чтобы «научиться ждать и идти на компромисс» [Black & Munro 1993: 54–55]. Народная поддержка стиля управления Ху Яобана была искренней, однако после чистки 1986 года его имя в официальном китайском контексте более не упоминалось.

Присутствие в руководстве страной таких реформаторов, как Ху Яобан, показало, что работа в системе с доминирующей ролью КПК вполне возможна. Многие были согласны с логикой постепенной модернизации, которую Ху пытался объяснить Ван Цзюньтао и Лу Пу. Физики Фан Личжи и Сюй Лянъин, исключенные из Коммунистической партии в 1950-е годы, резко критиковали партию, но решили вернуться в ее ряды после реабилитации в 1978 году. Сюй объяснял: «Целью моего возвращения в партию станет стремление ее изменить». Фан решил присоединиться к своим «друзьям и повторно вступить в партию, чтобы работать над ее изменением изнутри» [Fang 2016: 189–190].

Чжао Цзяян – премьер начала 1980-х годов – занял пост генерального секретаря после снятия с должности Ху Яобана. Он пытался освободить место для новых идей, которые могли бы усовершенствовать правление Коммунистической партии. Родерик Макфаркуар и Джулиан Гервириц в своей работе показали, что Чжао сыграл центральную роль в проведении реформ в 1980-х годов и его значение как политической фигуры нельзя недооценивать. Однако партийная оценка вклада Чжао Цзяяна отредактирована еще более тщательно, чем история вклада Ху Яобана. Чжао Цзяян и его соратники проявляли большой интерес к теориям зарубежных экономистов, многие из которых критиковали социализм. Они учились у лучших экономистов мирового значения, среди них – профессор Оксфордского университета Влодзимеж Брус, венгерский профессор Гарвардского университета Янош Корнай, а также – незадолго до своего переезда в Швейцарию – сторонник реформ в Чехословакии Ота Шик. Были среди них и американские лауреаты Нобелевской премии – Милтон Фридман и Джеймс Тобин. В 1980-х Брус, Фридман, Корнай, Шик и Тобин посетили Китай, они обменялись идеями с китайскими экономистами и высказали свои соображения, как сделать китайские предприятия прибыль-

ными, ослабить установленный государством контроль над ценами и ограничить инфляцию. Личные встречи Чжао Цзяна с зарубежными экономистами широко освещались в «Жэньминь жибао», а высказывания иностранных экспертов даже использовались в публичных речах Чжао [Gerwirth 2017].

Родерик Макфаркуар пишет, что, оглядываясь назад, Чжао Цзян признавал, что в середине 1980-х он был «экономическим реформатором и политическим консерватором» [MacFarquhar 2009: xxiv]. Во второй половине 1980-х Чжао пересмотрел свои взгляды. Это было связано с необходимостью адаптации западных учений к уникальным обстоятельствам Китая. Чжао Цзян понял, что экономику и политику разделять нельзя. До 1985 или 1986 года, вспоминал Чжао, «я считал, что политическая реформа в Китае не должна ни быть чрезмерно прогрессивной, ни сильно отставать от экономической реформы. По мере углубления экономической реформы сопротивление консервативных сил внутри партии усиливалось. Однако без политической реформы было бы трудно поддерживать экономическую реформу» [Pu & Chiang & Ignatius 2009: 257].

В 1986 и 1987 годах Чжао Цзян говорил о необходимости «по-настоящему заняться демократией» и критиковал чрезмерную концентрацию власти в руках высшего руководства. Он считал, что существующая государственная система нацелена на вооруженную борьбу и массовые движения, но не на экономическое развитие [Чжао 2016, 3: 472, 491]. Предлагаемые им решения включали четкое разделение между КПК и государством, а также движение к внутрипартийной демократии. Чжао не говорил о многопартийной системе и доминировании КПК. В ноябре 1986 года он сказал: «Обсуждение реформы политической системы – это не обсуждение того, должна ли управлять Коммунистическая партия, это обсуждение того, как должна управлять Коммунистическая партия» [там же: 468]. Позже Чжао говорил, что он хотел сделать процесс принятия решений внутри партии прозрачным, расширить диалог с социальными группами, а не только служить партии, он стремился предложить больше возможностей на выборах в Народное собрание и обеспечить большую свободу прессы (при этом под руководством КПК). Чжао говорил: «Даже если мы не разрешили полную свободу прессы, мы должны разрешить трансляцию общественного мнения» [Pu & Chiang & Ignatius 2009: 259].

Изменения 1980-х, в том числе крупные экономические реформы и разговоры об увеличении политической открытости, порадовали многих китайцев. Но не все смогли принять перемены, многие были разочарованы повседневной жизнью и не испытывали оптимизма в отношении будущего.

Глава 2

Гнев

Новые свободы и экономические возможности 1980-х принесли радость и оптимизм. Обнадеживали и свежие идеи первых лиц страны. Однако оборотная сторона этой истории – ограничения и репрессии, экономический стресс и несправедливость – наряду с гериатрической диктатурой, «политикой стариков», вызвали гнев. Это и были предпосылки к выходу на площадь и требованию перемен в 1989 году.

Эта глава в некоторой степени дублирует предыдущую – по вопросам политических ограничений, экономических проблем и политики элит.

В августе 1980 года Дэн Сяопин сказал итальянской журналистке Ориане Фаллачи, что политические движения в «стиле Культурной революции» остались в прошлом. Он объяснил, что людям «надоели крупномасштабные движения», которые нанесли ущерб населению и помешали экономическому развитию [Deng 1984: 330]. Несмотря на то что Дэн старался не проводить ничего, что характеризовалось бы как «движение» или «кампания» (*юньдун*), местные чиновники в 1980-х годах все еще прибегали к таким методам на низовом уровне. Это касалось наказаний и соблюдения политики «одна семья – один ребенок». Неправовые методы, используемые в кампании по борьбе с преступностью «Сильный удар», начавшейся в 1983 году, а также принудительное и насильственное применение политики «одна семья – один ребенок» привели к появлению в народе чувства глубокой социальной несправедливости и вызвали недовольство правлением КПК по всей стране.

В августе 1983 года Дэн Сяопин приказал министру общественной безопасности Лю Фучжи организовать «движение, которое нельзя будет назвать движением». Целью этого процесса был арест и наказание убийц, грабителей, членов банд, торговцев людьми и других преступников. Дэн начал уделять больше внимания преступности после посещения округа Уси в провинции Цзянсу в феврале 1983 года. В Уси Дэн встретился с Цзян Вэйцином, членом Центральной консультативной комиссии. Цзян сказал Дэну, что с экономической точки зрения у них все хорошо, но люди чувствуют себя небезопасно: «...женщины боятся идти на работу, а хорошие люди боятся плохих людей; так продолжаться не может! Единственный способ решить эту проблему, уважаемый Дэн, это взять на себя обязательства [по искоренению преступности]».

Дэн спросил Цзяна, какие конкретные действия он рекомендует. Цзян рекомендовал провести кампанию «в военном стиле», он сказал: «Арестуйте тех, кого следует арестовать, и убейте тех, кого следует убить», а также депортируйте некоторых преступников в приграничные зоны [Цю 2012: 16–22]. Цзян оправдывал свой призыв к крайним мерам тем, что преступники опасались только смертной казни или аннулирования разрешений на проживание в городах [Таппер 1999]. В конце 1983 и начале 1984 года полиция установила квоты на аресты, задержали большое количество предполагаемых преступников и вынесли им приговоры. В то время как городские жители, возможно, радовались безопасности, друзья и родственники жертв «Сильного удара» чувствовали себя невинно пострадавшими.

Пекинский сотрудник автобусного парка Чжао Хунлян увидел, к чему привела кампания «Сильный удар», когда отправился в провинцию Цинхай в 1987 году. Чжао разговаривал с приговоренными к 5–7 годам заключения за кражу и лишенными вида на жительство в городе. Джордж Блэк и Робин Манро писали:

Это были молодые люди, с которыми Чжао ходил в школу, которые превратились из безработных в мелких преступников и теперь оказались брошенными в Цинхае во имя официальной политики «открытия

приграничных районов». Чжао обнаружил, что они живут в хижинах без крыш, во власти стихии [Black & Munro 1993: 119].

Борьба с преступностью «Сильный удар» лишила людей надежды. Чжао почувствовал душевную боль и вернулся в Пекин, в 1989 году он стал активным борцом за права рабочего класса [там же].

Другие были настолько поражены произошедшим, что попытались оправдать обвиняемых. В провинции Хунань Лу Дэчэн и его друг Лю Хунью не могли поверить, что школьного учителя из их города арестовали и приговорили к смертной казни за ограбление банка на сумму 240 тысяч юаней. Лю познакомился с учителем Чжан Жунью за шесть месяцев до «ограбления». Учитель Чжан сказал, что из-за низкой зарплаты ему нечем кормить семью и что он хотел бы стать предпринимателем. По словам писательницы Дениз Чун, Лу и Лю думали, что «полиция либо не докопалась до истины, либо арестовала не того человека». Лю Хунью написал письмо с просьбой о помиловании губернатору провинции Хунань и вручил его чиновнику в Чанше. В тот же день Лю и Лу Дэчэн вернулись в Луюн и увидели учителя – он стоял в кузове грузовика связанный и с кляпом во рту, грузовик направлялся к месту казни [Chong 2009: 187–190].

Несколько лет спустя, в мае 1989 года, Лу Дэчэн стоял перед железнодорожной станцией Чанша с транспарантом «Положить конец однопартийной диктатуре и построить демократический Китай!» Когда скептически настроенные прохожие обращались к Лу, он апеллировал к их чувству справедливости, напоминая о трагических событиях «Сильного удара». Толпа, собравшаяся вокруг Лу, слышала историю о двух мужчинах из Чанши, приговоренных к смертной казни, – вскоре после того как их обвинили в изнасиловании женщины. Как было известно, женщина занималась проституцией. Она обратилась в полицию с жалобой на то, что мужчины не заплатили ей за интимные услуги. Мужчины утверждали, что заплатили, но к тому времени, когда женщина нашла деньги между матрасом и стеной, отменить казнь было уже нельзя [там же: 206–207]. Лу напрямую связал несправедливость «Сильного удара» со своими призывами к демократии в 1989 году.

Люди, собравшиеся вокруг Лу на железнодорожном вокзале в Чанше в мае 1989 года, также откликнулись на несправедливость политики «одна семья – один ребенок». Когда мимо проходили незнакомцы, Лу Дэчэн крикнул: «Я хочу спросить, как бы вы себя чувствовали, если бы столкнулись с такой ситуацией. Просто как общий пример – я не говорю про себя. Что, если ваша жена беременна и вот-вот должна родить, а чиновники, отвечающие за плановую рождаемость, пришли и потащили ее на аборт?» Эта история вызвала большее сочувствие у публики, чем плакат Лу [там же: 207]. Лу говорил искренне – он сам и его жена Ван Цюпин пережили глубокую травму из-за репрессивных действий местных чиновников, связанных с планированием семьи.

Родители Лу Дэчэна и Ван Цюпин были против их встреч в подростковом возрасте: Лу было уже 19, а Ван еще 18. Но политика Китая «одна семья – один ребенок» напрямую коснулась их: летом 1982 года Ван забеременела. Дениз Чун пишет:

Ее беременность противоречила закону по нескольким пунктам: только супружеские пары могли подать заявление на получение разрешения на рождение ребенка; до беременности пары должны были подать заявление на получение разрешения сроком на один год; супружеские пары не имели права на получение разрешений, пока жене не исполнится 22 года и общий возраст супругов не составит 50 лет [там же]⁷.

---

⁷ Курсив использован в соответствии с оригиналом. – Прим. пер.

Когда чиновники по планированию семьи узнали о беременности Ван, они провели серьезную беседу с Лу и потребовали, чтобы он предъявил им доказательства того, что Ван сделала аборт.

Ван и Лу бежали в сельскую местность за пределами Люяна. Они не хотели терять ребенка. Друг Лу, Лю Хунъю, обратился от их имени к врачу с просьбой подделать свидетельство об аборте. Доктор отказался. Затем Лю Хунъю нашел женщину, которая уже планировала сделать аборт. Лю заплатил ей 200 юаней, чтобы она назвалась Ван Цюпин перед операцией. Уловка сработала, как и маневр Лу и Ван, когда они попросили чиновника выдать им свидетельство о браке во время обеденного перерыва, – клерк не заметил, что Лу и Ван были слишком молоды, чтобы пожениться.

Ван Цюпин родила мальчика в январе 1983 года. Малыш Цзиньлун заболел через несколько дней. Ван и Лу беспокоились, что центральная больница может отказать в лечении незаконнорожденного, поэтому они привезли Цзиньлуна в больницу китайской медицины. Врач рекомендовал инкубатор и направил родителей в центральную больницу, но было слишком поздно. Цзиньлун умер. Ван и Лу были убиты горем. По словам Дениз Чун, Лу Дэчэн «корил себя за нерешительность в выборе больницы, за потерю драгоценного времени». «Я обвиняю власти, – говорил он Цюпин, – это из-за них мы оказались в этой ситуации» [там же: 144].

К горю Ван и Лу добавилось чувство вины – те, кто им помог, подверглись наказанию. Власти понизили в должности и оштрафовали врача, помогавшего с родами Цзиньлуна в маленькой клинике (без разрешения на роды). Чиновник, ошибочно зарегистрировавший их брак, также был оштрафован. Когда Лу Дэчэн отказался передать свидетельство о браке местным чиновникам по планированию семьи, они ввели «социальную плату за воспитание детей» и урезали его зарплату на одну треть. «У вас был незаконнорожденный ребенок от внебрачного союза, – сказали они. – Ребенок мертв, но не думайте, что дело завершено» [там же: 145]. Раньше семья Лу Дэчэна считала, что его работа механиком в государственном гараже есть залог долговременной безопасности, теперь же близкие увидели, что его профессия находится под риском финансовых штрафов. Он уволился и решил открыть собственную ремонтную мастерскую.

Реакция Лу Дэчэна на трагедию в его семье – тот редкий случай, когда можно провести прямую линию от репрессивных ограничений рождаемости в Китае к политической активности в 1989 году. Лу обвинил политическую систему Китая в убийстве его сына, нанесении вреда добрым людям, которые помогли ему, и разорении скорбящего родителя. В мае 1989 года, когда Лу говорил о принудительных абортах, пытаясь убедить прохожих на вокзале в Чанше присоединиться к демократическому движению, он надеялся, что его чувство найдет отклик у тех, кто пострадал от политики одного ребенка.

В 1980-е годы принудительные аборт и операции по стерилизации затронули в основном сельских женщин и нанесли ущерб их семьям⁸. Чтобы определить, сколько людей, подвергшихся репродуктивному насилию, вели себя так же, как Лу Дэчэн, и направили свою боль на борьбу, необходимы дополнительные исследования. Когда людям задавали вопрос о политике одного ребенка, большинство признавало необходимость сокращения прироста населения и поддерживало ограничение рождаемости [Nie 2005: 154]. Но когда общая поддержка национальной политики вступала в противоречие с личными интересами, даже те, кто физически травмирован не был, чувствовал себя уязвленным. Когда я делюсь с китайскими друзьями радостями воспитания двух сыновей, они часто говорят, что завидуют моей свободе

---

⁸ Отчет об одной деревне в 1985 году см. в [Huang 1998: 175–185]; обзор ситуации в целом см. в [White 2009]. О ревизионистской работе, ставшей под сомнение предположение о том, что сельские семьи ценят девочек меньше, чем мальчиков, см. в [Johnson 2016].

планировать состав семьи. Один профессор, с которым я как-то говорил о детях, дал типичный ответ, почему он отец единственного ребенка: «Я жертва политики планирования рождаемости». Моя подруга счастлива, что у нее есть дочь, но всегда хотела, чтобы у дочери были младшая сестра или брат.

В китайских городах другая болезненная реальность, связанная с политикой планирования семьи – аборты как контроль над рождаемостью, – травмировала многих женщин, в том числе студенток, например Чай Лин. Многие женщины в 1980-е годы делали аборты: из 1200 женщин, опрошенных в клиниках для абортов в 1985 году, почти половина сделала по два аборта, а 18 % – три или более [Li & Glenn & Qiu & Cao & Li & Sun 1990: 445–453]. Исследователь биоэтики Не Цзинбао выявил аналогичные цифры: 41 % опрошенных женщин делали аборт; из них 37 % – два аборта или более. Не Цзинбао также показал, что многие женщины делали аборты из-за государственной политики, неэффективной контрацепции или в результате сочетания этих факторов. Не Цзинбао подчеркнул: несмотря на то что аборты в Китае были широко распространенным явлением, они причиняли женщинам глубокие и длительные страдания [He 2005: 141, 147].

Опыт Чай Лин подтверждает результаты исследований Не Цзинбао о душевных травмах. До участия в протестах на площади Тяньаньмэнь в 1989 году Чай сделала три аборта. Напрямую связывать три прерванных беременности Чай с ее руководящей ролью в демократическом движении, конечно, нельзя. Однако аборты были для Чай Лин и многих женщин в 1980-е годы причиной гнева, боли и стыда. В своих мемуарах Чай объясняла, как аборт заменил презервативы или другие методы контрацепции, стал методом контроля над рождаемостью. «У нас не было полового воспитания дома, в средней или старшей школе», – писала Чай:

Даже если бы я все знала о репродуктивной системе, мне негде было бы найти защиту. В Китае пары не могли покупать противозачаточные средства, если они не были женаты... Китайское общество было пуританским в своих ожиданиях, но оно не объясняло, как подготовиться и справиться с юношескими эмоциями [Chai 2011: 46–47].

Отношение Шэнь Туна к сексу и противозачаточным средствам отличалось от отношения Чай Лин. И это понятно – он был мужчиной и ему не грозили аборты. Шэнь упоминал, что со временем презервативы в аптеках покупать стало проще. Он связывал распространение презервативов и абортов с политикой «одна семья – один ребенок». «Из-за государственной политики молодым людям стало проще вести половую жизнь. Это было удобно, потому что можно было контролировать рождаемость и делать аборты» [He 2014: 100].

В 1980-х аборты были широко распространены не только потому, что не все молодые люди знали о противозачаточных средствах или не имели доступа к ним, но и потому, что ограничительная политика сделала аборт обязательным для незамужних беременных женщин. Чай Лин писала о том, как забеременела во время учебы в университете: помимо аборта «не было других вариантов» [Chai 2011: 47]⁹. Ограничение рождаемости и необходимость аборта – важные причины возмущений в Китае 1980-х годов, в том числе в университетских городках.

Недовольство студентов вызывали и другие ограничения.

Ван Юань, студентка Пекинского университета (с 1984 по 1988 год), была рада, что смогла сменить специальность – с микроэлектроники на китайскую литературу. Свобода смены специальностей подтверждала ее индивидуальность. Ван и ее сокурсники много говорили о свободе, но в конце 1984 года в университете была введена политика выключения света в общежитиях в 23:00. В кампусе появились плакаты противоположного содержания. На одних утверждалось, что «взрослые мужчины и женщины должны сами решать, когда чистить зубы,

---

⁹ Курсив сохранен в соответствии с оригиналом. – Прим. пер.

умываться и ложиться спать», а на других было обозначено, что для восьми студентов в комнате достижение консенсуса относительно времени сна было невозможно. «Если бы в нашем государстве народа было меньше, демократия могла бы работать. Но в такой густонаселенной стране, как Китай, только диктатура может сохранить мир», – было написано на плакате в поддержку отключения света.

Ван Юань была в душевой, когда 10 декабря 1984 года в 11 часов вечера внезапно вступили в силу новые правила отключения света. Она с трудом смыла мыло с лица, ощупью пробралась через кромешную темноту в коридор и наблюдала за тем, как студенты кричали, поджигали петарды, ручки метел, ножки стульев, – все, что попадалось им под руку. После того как студенты накричали на жену ректора и разбили стеклянную витрину, беспорядки прекратились. «Адреналин прошел, и его место заняло опустошение. На следующий день политика отключения света нас не волновала. Большинство из нас к этому времени уже крепко спали», – вспоминала Ван. Сокурсники были раздосадованы ограничением свободы и пытались связать отключение света с более серьезными проблемами – личных прав и демократии, но – по крайней мере в 1984 году – им не хватило сосредоточенности и направленности усилий [Wang 2019: 58–59, 60–63].

Ситуация изменилась в 1986 году. Студенты Пекинского университета Ли Цайань и Чжан Сяохуэй создали Марксистскую молодежную фракцию и выпустили прокламацию, в которой Коммунистическую партию сравнивали с «огромным пауком, правящим с помощью террора и насилия». Ли и Чжан были арестованы и осуждены за подстрекательство в ноябре 1986 года [Чуань 1990: 141]. В том же месяце в провинции Аньхой произошли более серьезные события, вызвавшие тревогу у высшего руководства Пекина. Студенты Университета науки и техники Китая (*Чжунго кэсюэ цзипу дасюэ*) в Хэфэе выступили за демократизацию выборов районного народного представителя. 4 декабря 1986 года местные власти провели съезд кандидатов и избирателей.

По словам вице-президента Университета науки и техники Китая Фан Личжи, «эта встреча стала почти неслышанным событием в Китае: несколько тысяч студентов собрались в аудитории, что, по сути, было свободной политической конвенцией». В ноябре Фан читал лекции в Шанхае и Нинбо о демократии, реформах и модернизации. Заместитель председателя Ван Ли следил за деятельностью Фана и собрал записи его выступлений. 30 ноября Ван и Фан более часа вели дебаты за круглым столом по вопросам высшего образования. В конце концов Ван Ли понял, что единственный способ победить Фана – это указать на его невысокий ранг. Ван спросил, когда Фан вступил в Коммунистическую партию. «30 лет назад», – ответил Фан. «А я – 50», – парировал Ван [Фан 2016: 254–256, 258].

На стороне Ван Ли было старшинство. У Фан Личжи были свежие идеи, которые поддерживала молодежь. Он напомнил, что в то время его целью было «поддержать справедливые требования студентов», а также «попытаться показать, что Коммунистическая партия все еще может быть непредвзятой». Фан решил высказать свое мнение на собрании кандидатов 4 декабря. Он вышел на сцену и сказал: «Единственная надежная демократия – это демократия, основанная на народном сознании и завоеванная борьбой снизу. Вещь, дарованная свыше, в конце концов всегда может быть взята обратно» [там же: 258, 263]. Речь вдохновила сторонников демократии «снизу вверх». На улицах Хэфэя и Шанхая, а также в провинциях Хубэй, Хунань, Шэньси и Сычуань прошли демонстрации.

Власти Хэфэя разрешили студентам провести мирную демонстрацию и подтвердили ее законность. Но в Шанхае и Пекине к разгону и аресту демонстрантов была привлечена полиция, что, в свою очередь, спровоцировало новые марши протеста. Студенты Шанхая вывели транспаранты с надписями «Да здравствует демократия!» и «Демократия, свобода, равенство!» [Wasserstrom 1991: 298]. 19 декабря 1986 года студенты Шанхайского университета путей сообщения вели дебаты с мэром Цзян Цзэмином; в тот же день студенты осадили здание

муниципального правительства Шанхая. Студенты Шанхайского финансово-статистического университета выдвинули главе города четыре требования: 1) подтвердить, что демократическое движение оправданно, патриотично и законно; 2) признать, что учащиеся имеют право вывешивать плакаты и проводить марши на законных основаниях; 3) разрешить газетам публиковать правдивую информацию о студенческом движении и 4) защищать физическую безопасность участников демонстраций [Чуань 1990: 144–145].

1 января 1987 года Шэнь Тун шел маршем по площади Тяньаньмэнь. Отец отговаривал его: «Будет пролита кровь». Шэнь вспоминал, что отец «пытался меня напугать». Он вышел на улицу. То, что он увидел, поразило его. Тайная полиция направила камеры на лица демонстрантов; офицеры в форме бросились на студентов на площади Тяньаньмэнь, «схватили их и бросили в полицейские фургоны». Шэню удалось сбежать. Позже узнал, что 25 его сокурсников из Пекинского университета были арестованы; многим другим пришлось выступить с самокритикой, после того как их опознали по фотографиям [Shen 1990: 116–119].

Репрессии, включающие аресты и другие наказания, положили конец студенческим протестам в конце 1986 – начале 1987 года. Дэн Сяопин был убежден, что такой жесткий подход, также включавший принуждение Ху Яобана к отставке с поста генерального секретаря КПК и исключение Фан Личжи из партии, был своевременным и действенным. Что касается диктаторских методов, как сказал Дэн 30 декабря 1986 года,

нам нужно не только подчеркивать их, нам нужно применять их всякий раз, когда это необходимо. Конечно, мы должны быть осторожны и стараться не арестовывать большое количество протестующих, а также делать все возможное, чтобы не было кровопролития. Но если они хотят создать кровавые инциденты, что тут поделаешь?

Недовольство политикой и требование большей свободы остались без внимания, но Дэн был убежден, что «если мы отступим, в будущем у нас будут еще бóльшие проблемы» [Дэн 1993: 196]. Его предпочтение диктаторских методов породило события 1989 года. Многие в Китае были разгневаны не только реакцией правительства на их требования демократии, но также произволом и коррупцией руководителей рабочих подразделений на низовом уровне.

Во время обширных интервью в 1988 году Перри Линк заметил, что руководители рабочих подразделений полностью контролировали «ранг рабочего, зарплату и описание работы», а также «его или ее жилье, образование детей, разрешение на поездки, доступ к нормированным товарам и политическую репутацию».

Экономическая стабильность на рабочем месте давалась дорогой ценой: полной потерей личного контроля над собственной жизнью. Как сказал Линку один пекинский социолог:

даже то, что вы, жители Запада, считаете естественным правом там, где вы живете, будь то возможность путешествовать, время для бракосочетания или рождения ребенка, контролируется лидерами подразделений в Китае. Ваш руководитель также делает записи в вашем личном деле, которые вам не разрешено просматривать. Если вы обидите его или ее, комментарии останутся с вами навсегда [Link 1992: 61, 64–65].

В 1980-х годах недовольство нарастало – проблемы, связанные с работой в репрессивных условиях, усугублялись экономическим стрессом.

* * *

Экономист Стивен Н. С. Чунг (Чжан Учан) утверждает, что реформы в сельской местности в 1980-х годах имели успех, особенно система договоров об ответственности домохозяйств,

распределявшая земельные наделы между семьями. Последние могли оставить себе прибыль после выполнения своих обязательств перед государством [Cheung 2014: 15]. Но не все процветали. Летом 1986 года Бай Хуа, студентка факультета журналистики Народного университета в Пекине, отправилась в сельскую местность, чтобы выяснить, как экономические изменения повлияли на сельские районы Китая. Она обратила внимание на то, что хозяева наделов, изначально довольные растущим благосостоянием, стали указывать на проблемы. Росли цены на удобрения и семена, но сумма, которую государство выплачивало за урожай, оставалась неизменной. Хозяева наделов также испытывали трудности с двунаправленной экономикой: государство продавало товары по фиксированным ценам, что приводило к дефициту предложения, в то время как частные торговцы имели надежные запасы и брали гораздо больше. Один владелец надела сказал Бай Хуа: «В прошлом году я потратил 2000 юаней на то, чтобы вырастить урожай, а затем продал его за 2060 юаней. За целый год я почти ничего не заработал» [Black & Munro 1993: 97].

Некоторые владельцы наделов боролись. Но люди в сельской местности могли в большей степени контролировать свое экономическое положение, чем промышленные рабочие в 1980-х годах, особенно после 1986 года. По словам Стивена Н. С. Чунга, «применение договоров об ответственности к промышленным отраслям было большей проблемой». Экономист объясняет, что «в промышленном производстве материальные активы обесцениваются и могут быть украдены, а государственные рабочие в соответствии с существующими законами не могут быть уволены» [Cheung 2014: 15–16]. Один специалист по партийной истории, с которым я разговаривал, сказал, что договоры вызывают неприязнь между рабочими и руководящим составом.

Руководители фабрик после выполнения договоров оставляли прибыль себе. А поскольку договоры были краткосрочными, управленцы старались быстро заработать деньги, не ремонтировать оборудование и не инвестировать деньги в дальнейшее производство. Простым людям, проработавшим почти всю жизнь на одном месте, было больно наблюдать за тем, как обогащаются директора заводов. Социолог Джоэл Андреас отметил, что в начале 1980-х годов заработная плата рабочих увеличилась, а организации стали вкладывать значительные средства в жилищное строительство. Рабочие также имели возможность на возобновленных съездах трудящихся высказать жалобы и предложения. Но по мере развития реформ в середине 1980-х годов директора заводов и другие чиновники увеличили свои полномочия за счет рабочих, роль которых в съездах была ослаблена. Заработная плата стагнировала, и то, что когда-то казалось пожизненной гарантией занятости, пошатнулось, поскольку фабрики начали нанимать рабочих по краткосрочным договорам.

Рабочие выразили свои чувства в песне: «Мы благодарны Дэн Сяопину за повышение заработной платы, но мы помним, что Мао Цзэдун не поднимал цены» [Andreas 2019]. К осени 1985 года водители автобусов и контролеры были настолько измотаны происходящим, что объявили забастовку. Билетный кассир Чжао Хунлян объяснил, что требования его коллег о повышении заработной платы касались не политики, а разрешения проблем экономической неопределенности. Чиновникам удалось избежать серьезной забастовки, повысив зарплату и выдав новые ботинки и пальто работникам автопарка, но начальство Чжао заклеило его как нарушителя спокойствия. Забастовки стали более массовыми в 1987 году, когда их число возросло до 127, а в течение первых десяти месяцев 1988 года в Китае прошло более 700 забастовок [Black & Munro 1993: 114–117, 120].

Студенты и преподаватели университетов также боролись с экономическими трудностями и плохими условиями жизни. Они не бастовали, как рабочие, но чувствовали себя подавленными. Стремительный рост числа учащихся в высших учебных заведениях привел к тому, что многие студенты жили на мизерные стипендии, а перспективы трудоустройства после окончания учебы были неясными [Zhao 2001]. В провинции Шаньдун студенты педагогического

колледжа испытывали «почти полную апатию к учебе», зная, что их ждет карьера с «низкой оплатой, ужасные условия труда, отсутствие социального уважения и надежды на лучшее», – писал Эндрю Дж. Спано, преподававший в Педагогическом колледже Тайяня провинции Шаньдун в 1988 и 1989 годах. Ученики Спано жили в общежитиях с разбитыми окнами, без отопления и постоянным отключением электричества и воды. По ночам они справляли нужду в раковины, потому что общественный туалет находился слишком далеко [Spano 1990: 311–312]. Профессура элитных учебных заведений Пекина чувствовала себя лучше, но жили они в тесных переполненных домах и получали оскорбительно низкие зарплаты. Один профессор медицины сказал Перри Линку: «Нам недоплачивают, лишают привилегий, недооценивают и заставляют перерабатывать. Вот и все».

Коррупция также вызывала озлобление – одни наблюдали, как другие обманывают и обирают их. Ходили слухи, что дети таких высокопоставленных чиновников, как Дэн Сяопин, Чжао Цзыян, наживаются на коррупции. По словам социолога Динсинь Чжао, в конце 1980-х годов «психологическое давление коррупции было очень сильным». Опросы общественного мнения показали, что более 83 % респондентов в городах Китая «считают, что большинство кадров коррумпированы»; 63 % кадров сами признавались в коррупции [Link 1992: 90–91]. Перри Линк выяснил в своих интервью, что эти практики варьировались и включали «взятничество, кумовство, контрабанду, обмен услугами, полное государственное обеспечение питанием, доставки товаров домой для их “проверки”, “одалживание” денег без возврата, а также *гуаньдао* (официальная спекуляция), когда чиновники или члены их семей покупали товары по низким ценам, установленным государством, и перепродавали их с огромной прибылью» [Zhao 2001: 126].

Безудержная инфляция 1988-го и начала 1989 года преумножила боль населения. Простые люди видели, как коррумпированных чиновников развозили на мерседесах, а сами с горечью обнаруживали, что их заработная плата не может покрыть стремительно растущих расходов на питание. Официальный уровень инфляции составлял 18,5 % в 1988 году и 28 % в течение первых трех месяцев 1989 года [Link 1992: 55]. В августе 1988 года, когда высшее руководство приняло решение ослабить контроль над ценами, жители бросились в банки забирать свои сбережения. Они покупали золото, кровати, велосипеды, спички, рубашки и туалетную бумагу, надеясь, что эти товары сохранят свою ценность. Сообщения в прессе о ценовых реформах не только спровоцировали «набеги» на банки и массовые закупки, но и показали, что лидерам не хватает опыта для продолжения экономических реформ. В середине 1980-х были те, кто положительно относился к высшему руководству страны, но к концу 1988 года недостатки системы, которую историк Чжун Яньлинь назвал «политикой стариков», большинству стали очевидны.

* * *

Вместо того чтобы придерживаться классического взгляда на политику элит 1980-х годов с точки зрения институционализации или фракционности, Чун развенчивает представление о том, что Дэн Сяопин пытался институционализировать систему коллективного лидерства. Он также опровергает утверждение о том, что Дэн был посредником между фракцией реформ и жесткой линией консервативной фракции. Чун считает, что революционное старшинство обеспечило Дэну политическую власть [Chung 2019]. Дэн Сяопину в августе 1989-го исполнилось 85 лет, а до 1949 года он имел репутацию незаурядного военного лидера. По словам Фредерика Тейвеса, тесные рабочие отношения Дэна с Мао Цзэдуном также укрепили авторитет Дэна; Мао доверял Дэну выполнение сложных задач в 1950-х, 1960-х и 1970-х годах – несмотря на то что Мао дважды подвергал Дэна репрессиям во время Культурной революции [Teiwes 1995]. Эти факторы подняли Дэна над другими политически активными старцами, в том числе

над Ли Сяньнянем (ему в 1989 году было 80 лет), Ван Чжэнем (81 год), Ян Шанкунем (82 года), Чэнь Юнем (84 года) и Пэн Чжэнем (87 лет). Претензии Дэна на однозначно больший революционный стаж не только означали, что на протяжении 1980-х годов его пожилые коллеги вынуждены были подчиняться ему как принимающему решения, но эти претензии также означали, что политическое выживание таких молодых лидеров, как Ху Яобан и Чжао Цзыян, требовало успешной интерпретации, восхваления расплывчатых установок Дэна и других пожилых коллег.

Дэн Сяопин мог сказать, что он систематизировал коллективное руководство, но это не значит, что он действительно этим занимался. Политолог Джозеф Торигиан утверждает, что Дэн использовал формулировки об институционализации и коллективных обсуждениях, чтобы укрепить свою позицию как принимающего окончательное решение за кулисами [Torigian 2017]. Иногда, утратив бдительность, Дэн и его коллеги признавали это. Чжао Цзыян вспоминал: он услышал, что когда Дэн в 1987 году встретился со старейшинами, чтобы обсудить их уход с руководящих должностей, они согласились. По их мнению, «у Постоянного комитета Политбюро (ПКП) должна быть только одна “свекровь” (*nono*)» и «роль Дэна не должна измениться; он был и остается “свекровью” ПКП», другие старейшины не имели решающего голоса при принятии важных установок [Pu & Chiang & Ignatius 2009: 209].

Чэнь Юнь использовал другую метафору, чтобы описать роль Дэна как диктатора. В конце мая 1989 года Чэнь Юнь попросил старейшин Центральной консультационной комиссии поднять руки, чтобы поддержать позицию Дэна как «крестного отца» (*тоуцзы*)¹⁰ Центрального комитета. Секретарь Чэня Сюй Юньюэ, когда высказывания Чэнь Юня были опубликованы, заменил этот разоблачительный ярлык словом «ядро» (*хэсинь*) Центрального комитета [Цяо 2006: 16–17]. В минуту кризиса КПК пожилые коллеги Дэна склонились и поцеловали руку «крестного отца» Китая.

Служба под руководством «крестного отца» поставила Ху Яобана (генеральный секретарь с 1982 по 1987 год) и Чжао Цзыяна (премьер с 1982 по 1987 год и генеральный секретарь с 1987 по 1989 год) в безвыходное положение. Младшим лидерам, отвечающим за текущее руководство, не хватало автономии; им часто приходилось гадать, чего хотел Дэн. У Дэна были плохой слух и плохая память, и даже в начале 1980-х ему уже не хватало сил работать целый день. Один из собеседников Фредерика Тейвеса рассказал, что «однажды Дэн попросил о встрече с руководителями провинций, но когда они собрались у него дома, он потребовал объяснений, что они делают там [у него дома] и отправил их обратно» [Teiwes 1995: 71].

Работать в политической системе старейшин было трудно. И не только потому, что Дэн, главный старец, был на особом положении, но и потому, что остальные старейшины продолжали вмешиваться в дела и в результате объединились сначала против Ху Яобана, а затем Чжао Цзыяна. По словам Чжун Яньлинь, Ху Яобан постоянно заискивал перед Пэн Чжэнем, говоря, что они «должны пользоваться тем же политическим отношением и расходами на проживание», что и члены ПКП. Ху также «обязал Центральный отдел пропаганды уделить особое внимание девяти ветеранам-революционерам», включая Чэнь Юня, Пэн Чжэня и Ван Чжэня. Но старейшины считали, что Ху Яобан слишком слаб в борьбе с «буржуазной либерализацией» и «духовным осквернением». Они обвинили Ху во вспышке протестов в 1986 году. Когда старейшины Бо Ибо, Пэн Чжэнь, Ян Шанкунь и Ван Чжэнь почувствовали, что поддержка Ху Яобана Дэн Сяопином ослабла, они всячески пытались убедить Дэна заставить Ху уйти в отставку. Чун сообщает, что старейшины пришли в дом Дэна 27 декабря 1986 года, «чтобы выразить свою серьезную обеспокоенность по поводу студенческого движения». Они говорили, что студенческие демонстрации – вина Ху Яобана как слабого лидера и он слиш-

---

¹⁰ Здесь в значении руководителя мафиозной структуры. – Прим. пер.

ком снисходителен по отношению к интеллигенции [Chung 2019: 110]. Через неделю Ху сняли с поста генерального секретаря.

Это не было институционализированной политикой, основанной на консенсусе. И это не было битвой между сторонниками реформ и консерваторами. Это была система, в которой пожилые мужчины считали себя незаменимыми стражами. Старейшины не доверяли младшим по возрасту лидерам выполнение руководящей работы и не позволяли им учиться на собственных ошибках. Это означало, что политическое выживание зависело не от проявления инициативы или понимания и симпатии к различным социальным группам. Выживание зависело от понимания настроений Дэн Сяопина и задабривания политически активных старейшин вокруг него. В этом отношении премьер Ли Пэн не имел себе равных.

Ли Пэн стал премьером в 1987 году, после того как Ху Яобан был вынужден уйти в отставку, а Чжао Цзяян стал генеральным секретарем. После неудачной реформы цен и всплеска инфляции в 1988 году перспективы дальнейших экономических преобразований были сомнительны. Ли Пэн почувствовал, что можно организовать интриги в этот раз вокруг Чжао Цзяяна. Простые люди, интересовавшиеся политикой в 1988 и 1989 годах, все чаще связывали проблемы Китая 1980-х со старейшинами, не желавшими уходить из власти. Способность Ли Пэна побеждать в политике старцев сделала Ли, наряду с Дэн Сяопином, одной из основных мишеней общественного гнева, вылившегося в 1989 году в протесты.

Глава 3

Восьмидесятые в Китае. Альтернативный путь

Что можно было сделать в 1980-х, чтобы дать людям возможность вздохнуть свободно? Как сложилась бы жизнь в Китае, если бы старейшины, оттеснившие Ху Яобана в конце 1986-го и плетущие интриги для ослабления позиции Чжао Цзяяна в 1988 и 1989 годах, ушли в отставку и остались вне политики? Существовал ли в 1989 году другой выход? Ответ – да. Но тогда Дэн Сяопин должен был бы отказаться от привычного образа действий.

Когда речь идет о различных путях развития, в центре всегда находится Дэн. Именно его революционный опыт сделал возможными большие изменения в стране. Без поддержки Дэна более молодые лидеры, такие как Ху Яобан и Чжао Цзяян, возможно, сочли бы невозможным проведение рыночных реформ. Представьте себе, что с начала 1980-х Дэн ушел бы в отставку и отказался от участия в судьбоносных решениях. Чтобы Чэнь Юнь и другие старейшины не сопротивлялись проведению экономических реформ, Дэн должен был убедить Чэня и других пожилых товарищей по партии отступить, хранить молчание и держаться в стороне от создаваемой Ху и Чжао программы реформ.

Возможный сценарий, в который не были бы вписаны старейшины, не включил бы в себя жесткие кампании по борьбе с преступностью, которые затронули Чжао Хунляна и Лу Дэчэна. В этот сценарий не вошли бы движения, выступающие против буржуазной либерализации и духовного осквернения, что позволило бы таким критическим мыслителям, как Фан Личжи, открыто выступать за политические реформы снизу и участвовать в выборах на местном уровне. Что еще более важно, Ху Яобан продолжал бы оставаться генеральным секретарем после января 1987 года. Когда в апреле 1989 года Ху умер, некоторые из скорбящих предположили, что его унижительная отставка ускорила его смерть. Если бы Ху Яобан не подвергся партийной чистке и умер на занимаемом посту, панихида по нему стала бы возможностью отметить стремление его преемников к прогрессу, а не поводом выплеснуть гнев из-за стагнации реформ. Многие проблемы, породившие народный гнев в 1980-х годах, в том числе произвольные санкции со стороны руководителей рабочих подразделений, коррупция и репрессии, не исчезли бы, конечно, в одночасье, но совещательные и прозрачные системы, сторонниками которых были Ху и Чжао, могли бы дать людям надежду на скорое решение их проблем и позитивные политические изменения.

Дэн Сяопин действительно хотел уйти в отставку и пытался повлиять на пожилых товарищей по партии, чтобы те отошли в сторону и не вмешивались в проведение реформ. Однако он не нашел верного способа осуществить это. В мае 1986 года, когда Дэн рассказал Ху Яобану о своем плане уйти в отставку в 1987 году, поддержка Ху этой идеи стала ударом для Дэна – мысль, что Дэн заменим, была политически некорректной. После того как Чжао Цзяян занял пост генерального секретаря, он продемонстрировал «усвоение этого урока», заявив, что партии повезло, потому что Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь, Чэнь Юнь, Пэн Чжэнь и другие высокопоставленные революционеры все еще «живы и здоровы» и готовы дать инструкции и предложить помощь. 2 ноября 1987 года Чжао заявил, что хотя Дэн и отказался от большинства своих официальных должностей,

его положение и роль как лица, принимающего решения в Китае по ключевым вопросам, не изменились. Нам по-прежнему нужен товарищ Сяопин у руля в решающие моменты. Постоянный комитет Политбюро считает, что всякий раз, когда мы сталкиваемся с серьезной проблемой, мы должны обращаться к товарищу Сяопину за инструкциями, и товарищ Сяопин все еще может вызвать нас на встречу [Чжао 2016, 4: 255].

Чжао оказался в ловушке. Поскольку его положение зависело не только от поддержки, но и от похвалы мудрости и высшей власти Дэн Сяопина, у Чжао не было возможности уйти от политики старейшин. Точно так же, как глубина экономических реформ Китая в 1980-х годах зависела от полной поддержки Дэна, жесткие ограничения политических изменений в течение десятилетия были обусловлены непримиримой приверженностью Дэна к однопартийной системе. В этом отношении Дэн отличался от Цзян Цзинго, который как лидер Китайской Республики на Тайване терпимо относился к оппозиционным партиям в 1986 году, и от Михаила Горбачева, допустившего альтернативные выборы в законодательные органы Советского Союза в 1989 году. Начиная с 1980-х годов Тайвань и СССР шли разными путями, но в обоих случаях политические перемены происходили благодаря тому, что высшие лидеры добровольно ослабляли диктаторские полномочия.

Дэн и его окружение отказывались от политической открытости, потому что рассматривали ее как предательство революции, с молодости определившей их жизнь и карьеру. Воздать должное этому прошлому было для них важнее, чем настоящее или будущее Китая. Вот почему в 1989 году старейшины, например Чэнь Юнь, упоминали кровь, пролитую революционерами во имя диктатуры Коммунистической партии. Чэнь Юнь даже подсчитал: более 24 миллионов человек, включая его личного телохранителя во время Великого похода, погибли во имя победы социализма в Китае. Их память, говорил Чэнь, нужно «лелеять», поддерживая верховное положение Дэна [Цяо 2006: 16–17]. Дэн Сяопин и Чэнь Юнь не задавались вопросом, хотели бы миллионы погибших революционеров, чтобы их имена служили поддержке политики стариков. Отказавшись уйти из политики, пожилые властители Китая создали ситуацию, которая к 1989 году стала взрывоопасной.

Как изменилась бы жизнь Чай Лин, Лу Дэчэна и других, если бы Китай в 1980-х годах пошел другим путем? Чай Лин мечтала учиться в Соединенных Штатах. В апреле 1989 года она подала документы в аспирантуру по специальности «детская психология» в Педагогический колледж Колумбийского университета. Месяц спустя муж Чай Фэн Цундэ узнал, что его приняли в аспирантуру Бостонского университета; Чай могла бы поехать с ним – независимо от результата рассмотрения ее собственного заявления. Если бы Ху Яобан оставался на своем посту до 1989 года, маловероятно, что Чай и Фэн отказались бы от «американской мечты» и бросились бы с головой в демократическое движение за «китайскую мечту», ставшую в то время приоритетной [Chai 2011: 90, 181]. Они могли бы продолжить академическую карьеру.

А травмы, перенесенные Чай Лин, Лу Дэчэном и Ван Цюпин из-за ограничений рождаемости, приведших к массовым абортам вместо использования противозачаточных средств? Ограничений, по мнению Лу Дэчэна, ставших причиной смерти его маленького сына. Какие изменения могли бы позволить Чай Лин избежать незапланированных беременностей или позволили бы Лу и Ван пожениться и создать семью, не подвергаясь притеснениям и жестокому обращению чиновников, отвечающих за работу по планированию семьи?

Высшее руководство Китая считало необходимым сдерживать рост населения – споры велись лишь по вопросу количества детей в семье – один или двое. Тем не менее даже политика «одна семья – два ребенка», инициированная демографом Лян Чжунтаном, запрещала бы рождение третьего и требовала бы от пар достижения определенного возраста для вступления в брак. В 1984 году, потрясенный принудительными абортами и стерилизацией, сопровождавшими введение политики «одна семья – один ребенок» в сельских районах Китая, Лян Чжунтан обратился к Ху Яобану и Чжао Цзыяну с призывом ограничить рождаемость хотя бы двумя детьми. Еще в 1981 году Чжао Цзыян поддерживал положение о том, что сельские семьи, у которых первый ребенок девочка, могут иметь второго ребенка. Чжао сказал, что во избежание излишнего принуждения и сопротивления деревенских жителей «нам нужно проводить политику, приемлемую для сельского населения» [Чжао 2016, 1: 274]. Спустя три года Чжао Цзыян и Ху Яобан одобрили предложение Лян Чжунтана о разрешении на второго ребенка

[Чжао 2016, 2: 446]. На практике политика «одна семья – один ребенок» стала более гибкой. Репрессии продолжались, но они уже не были такими массовыми, как в 1983 году, когда 21 млн женщин подверглись стерилизации, было сделано 14 млн аборт. Несмотря на поддержку Чжао и Ху, чиновники из Национальной комиссии по планированию семьи отказали в распространении в стране пилотной программы, включающей рождение двух детей, которую Лян продвигал в уезде Ичэн провинции Шаньси [Пяо & Хуан & Ли 2015].

Но политика двух детей также была ограничительной. Это не решило бы коренным образом проблемы, травмировавшие Чай Лин, Лу Дэчэна и Ван Цюпин. Лян Чжунтан выступал за отсрочку вступления в брак и рождение детей – согласно политике двух детей, Лу и Ван все еще были бы слишком молоды и, возможно, имели бы стимулы обманным путем зарегистрировать свой брак и скрыть беременность. Улучшение полового воспитания и более легкий доступ к противозачаточным средствам, в том числе для молодежи вне брака, сделали бы гораздо больше, чтобы помочь Чай Лин, Лу Дэчэну и Ван Цюпин. Альтернативный путь, предлагающий эти, казалось бы, простые решения, потребовал бы культурного сдвига, выходящего за рамки договоренностей Ху Яобана и Чжао Цзыяна в 1984 году.

В годы правления Мао нормальное сексуальное поведение зачастую рассматривалось как буржуазный декаданс или распущенность и наказывалось внесудебно, а иногда с применением уголовной статьи [Diamant 2000; Yang 2015: 19–50]. Политические лидеры не могли выступать за изменения, которые поощряли бы добрачный или внебрачный секс. Но если бы Чжао Цзыян, как и во второй половине 1980-х, продолжил настаивать на политических реформах, сдвиг в культурных нормах мог бы в конечном итоге произойти. Хотя для Чай Лин, Лу Дэчэна и Ван Цюпин это было бы слишком поздно.

Выбор в пользу постепенных, а не радикальных реформ мог быть более реалистичным сценарием, доступным Ху Яобану и Чжао Цзыяну. Но эта постепенность не могла помочь людям, живущим в бедности, испытывающим унижение на работе и вынужденным идти на насильственную стерилизацию и аборты. Апрель 1989 года давал надежду на лучшую жизнь.

Часть вторая

ПРОТЕСТЫ НА ПЛОЩАДИ ТЯНЬАНЬМЭНЬ

Глава 4

События на Тяньаньмэнь как часть истории

Несколько лет назад я встретился с пожилой парой из Китая. Когда я сказал, что работаю над книгой о событиях 1989 года, они обрадовались. Женщина рассказала, что во времена протестного движения люди в Пекине были счастливы, полны надежд и работали над общей задачей.

Ее муж встал, подошел к книжной полке и вынул фото в рамке, обращенное вовнутрь, к книгам. Это была фотография десятков тысяч людей, стоявших на площади Тяньаньмэнь и размахивавших красными знаменами. Шел разгар голодовки – май 1989-го. Хозяева не выставляли эту фотографию напоказ. Случайные посетители или соседи не заметили бы ее. Но иногда воспоминания о полном энергии и надежд времени, ожидании перемен становились центром их гостиной.

Мои собеседники с болью отозвались о расправе на площади, положившей конец протестному движению и послужившей началом витка циничной коррупции и репрессий. С волнением и ностальгией вспоминали они события, запечатленные на фото. Собеседники рассказывали о надеждах, которыми они жили в самом начале протестов и чуть позже. Сотни мемуаров, научных исследований и документальных фильмов не дают столь полного и эмоционального представления о событиях по сравнению с одной-единственной фотографией, озаряющей надеждой дом пожилой пары. Цель протестов 1989 года – изменить положение в Китае. И на короткое время – всего на несколько недель – жизнь в чем-то действительно стала лучше.

По сравнению с позитивом пожилой пары документальный фильм о студенческом движении «Врата Небесного Спокойствия»¹¹ выглядит мрачно. Я упоминаю об этом фильме, потому что он зачастую является основным источником, на который ссылаются молодые люди в Китае и за рубежом, оспаривая историю протестов на площади Тяньаньмэнь. Когда я впервые в январе 1999 года посмотрел «Врата Небесного Спокойствия» в большом зале Портлендского государственного университета и прослушал выступление одного из режиссеров – Кармы Хинтон – о фильме, у меня была та же реакция, что и у студентов, увидевших фильм на лекциях в Университете Саймона Фрейзера, где я преподаю. Я почувствовал обреченность. Я увидел ошибки студенческих лидеров, казалось, именно эти ошибки и спровоцировали жесткую ответную реакцию КПК. Мне сейчас стыдно признаться, что я ненавидел Чай Лин – женщину, изображенную как жаждущую и ждущую кровопролития. Но она была слишком напугана, чтобы быть свидетелем расправы. После просмотра этого фильма я старался больше узнавать о событиях 1989 года, все сильнее мне хотелось выступить против шаблонных нарративов, сосредоточенных на ошибках и обвиняющих активистов, участников и свидетелей в том, в чем они не виноваты.

Печатному слову трудно конкурировать с мощными образами документалистики, но мемуары, научные исследования полнее передают волнение и положительную энергию протестов.

В книге «Ни боги, ни императоры» социолога Крейга Кэлхуна рассказывается об успехах студенческих лидеров, объясняется, как студенты и наблюдатели понимали демократию, и убе-

---

¹¹ Тяньаньмэнь переводится с китайского как «Врата Небесного Спокойствия». – *Прим. пер.*

дительно доказывается, что поражение движения было неизбежным [Calhoun 1994]. В работе социолога Динсинь Чжао «Сила Тяньаньмэнь» сообщается, что студенческие лидеры действовали спонтанно и индивидуально, каждый из них пытался привлечь к себе внимание [Zhao 2001].

Историки Джозеф В. Эшерик и Джеффри Н. Вассерстром и политолог Элизабет Дж. Перри вместе с другими авторами книги о протесте и политической культуре прослеживают символизм студенческих петиций, маршей и сидячих забастовок, отсылая к более ранним периодам китайской истории [Esherick & Wasserstrom 1994; Perry 1994]. А в недавно опубликованной книге «Последний секрет: последние документы репрессий Четвертого июня» писатель, использующий псевдоним У Юйлунь, дает наиболее актуальный отчет о том, как высокопоставленные чиновники КПК реагировали на протестное движение [Wu 2019].

В своей книге, говоря об истории протестов, я опираюсь на указанные и другие работы. Мне хотелось бы показать, что не стоит фокусировать все внимание исключительно на студенческом движении и, конечно, студенты не должны быть объектом обвинения, как им стала Чай Лин. Это были студенты, а не профессиональные политики или опытные организаторы. Они были умны и сообразительны, но они выросли в ленинской политической культуре и не имели опыта управления организацией и демократических навыков. Огромное количество материалов, написанных студентами и/или о студенческом движении начиная с 1989 года, дает ограниченное представление о реальных событиях. Теперь мы можем прочесть воспоминания Ли Пэна и Чжао Цзыяна, в которых они описывают борьбу с протестами середины апреля – конца мая 1989 года. И конечно, история протестов должна включать голоса других людей, которые не были ни студентами, ни чиновниками. Это заводские рабочие, клерки, бизнесмены, бабушки и дедушки – все они по-разному участвовали и реагировали, это были и тревога, и замешательство, и надежды весны 1989 года. Их участие и их чувства так же важны, как участие и чувства студентов и политиков. Надежда – она породила и направляла это движение. Вот почему живые свидетели событий хранят фотографии на книжной полке три десятилетия спустя.

Глава 5

Требования и ответные действия

После того как в январе 1987 года Дэн Сяопин вынудил Ху Яобана уйти в отставку с поста генерального секретаря, недовольство народа усилилось. Возмущение вызывали коррупция, инфляция и репрессии. Сам Ху Яобан решил остаться членом Политбюро с понижением должности. Его присутствие в высшем партийном органе, возможно, вселяло надежду на возвращение относительно толерантной политики, которую он проводил ранее. В начале 1989 года демократический активист из провинции Аньхой посетил Шэнь Туна в Пекинском университете. Он задал вопрос: «Кого мы выдвинем на смену Дэн Сяопину, если нам удастся избавиться от него?» Затем он предложил Ху Яобана и Чжао Цзыяна как возможных кандидатов. Шэнь вспоминал: «Мы все согласились, что Ху Яобан, вероятно, был лучшим из предложенных» [Shen 1990: 159–160].

Но сбыться этому было не суждено. Во время заседания Политбюро по вопросам политики в области образования 8 апреля 1989 года Ху Яобан почувствовал себя плохо. Он встал, попросил Чжао Цзыяна извинить его и упал. Это был сердечный приступ. Ху Яобана срочно доставили в пекинскую больницу, где он, казалось, пошел на поправку¹².

По словам его сына, утром 15 апреля, после того как Ху Яобан выпил арбузный сок и позавтракал, случился еще один приступ. Ху умер через несколько мгновений.

Студенты, интеллигенция, рабочие и высшие лидеры Коммунистической партии поразному отреагировали на смерть бывшего генсека. 15 апреля официально стало известно о смерти Ху Яобана. Шэнь Тун и его друзья вывесили перед окном общежития Пекинского университета плакат с надписью «Яобана больше нет. Мы скорбим». В тот же день чуть позже Шэнь столкнулся с группой студентов-журналистов из Народного университета и сказал им: «Смерть Ху Яобана может стать началом студенческого движения». В действительности движение уже началось. Один из студентов Народного университета сказал Шэню, что у них в кампусе «становится интересно... Кто-то нарисовал Ли Пэна в виде свиньи выставил на всеобщее обозрение» [там же: 167–168].

17 апреля У Жэньхуа, преподаватель Китайского университета политических наук и права принял участие в марше памяти (всего было около 500 человек). Марш начался около студенческого городка и шел и до площади Тяньаньмэнь. В тот день около четырех тысяч студентов Пекинского университета вышли на площадь и скандировали: «Долой коррумпированных чиновников!», «Да здравствует демократия!», «Да здравствует свобода!», «Омолодим Китай!» [У 2014: 20; Хэ 1989: 1]. У Жэньхуа рассказал мне, что его поразило, насколько молниеносно после смерти Ху студенты и преподаватели покинули кампус и вышли на площадь. До этого студенческие волнения ощущались только в студгородке, но в апреле студенты вышли на улицы, маршируя по 6–9 миль:

от университетов в северо-западной части города до площади Тяньаньмэнь в центре Пекина.

17 апреля на площади Тяньаньмэнь собралась небольшая группа рабочих. Рабочие говорили не столько о Ху Яобане, сколько выражали недовольство инфляцией, коррупцией и условиями труда. Эти рабочие, в частности Чжао Хунлян, и раньше обращались к правительству. 17 апреля Хань Дунфан, 25-летний рабочий с железнодорожной станции в пригороде Пекина,

---

¹² [У 2014: 6–7]. Ли Пэн посетил Ху Яобана в больнице 9 апреля и в своих мемуарах рассказал миру другую историю: Ли вспоминал, что Ху не любил постоянно находиться в постели, как предписывали врачи. Ли услышал, что 15 апреля, после того как врач не позволил Ху встать с постели, чтобы воспользоваться туалетом, попытка Ху опорожнить кишечник лежа обернулась сильной нагрузкой на сердце и он умер [Чжан 2010: 56].

встал и выступил с речью о том, что рабочим не стоит полагаться на официальную Всекитайскую федерацию профсоюзов (ВФП), а нужно организовываться самостоятельно. В 1986 году Хань Дунфан обратился за помощью к представителю ВФП своего рабочего подразделения, но ответа не получил. Он сказал чиновнику: «Насколько я вижу, ВФП ничего не делает, кроме как время от времени организует кинопоказы и раздаёт мыло».

Чжао Хунляну понравились слова Хань Дунфана, с ними согласились и строитель Ван Дэньюэ, повар Сяо Дэлун и котельный мастер Чжао Пиньлу. Мужчины договорились встретиться на площади на следующий день [Black & Munro 1993: 153–154, 158–159; Walder & Gong 1993: 1–2].

Ван Юань, которая после окончания Пекинского университета работала в пекинском офисе компании «Кэнон» (Canon), также вышла на площадь 17 апреля. Ван услышала, как студент говорил в мегафон, что Ху Яобан «умер от гнева и беспокойства» – после того как на заседании Политбюро 8 апреля узнал о нехватке бюджетных средств в сфере образования. Эти слова подразумевали, что государственные деньги, отпущенные на образование, присваивались коррумпированными чиновниками. Свою речь студент закончил призывом: «Свергнем казнокрадов! Искореним коррумпированных! Образование спасет нацию! Да здравствует свобода! Да здравствует демократия! Да здравствуют закон и порядок!»

Некоторое время толпа громко выкрикивала лозунги в ответ на призывы. Вскоре Ван Юань окружило плотное кольцо людей. Именно тогда кто-то попытался украсть ее дорогую японскую камеру. «Я закричала “Помогите!” и вцепилась в камеру. Мужчина отпустил камеру и убежал», – вспоминает она. Десять дней спустя, когда Ван Юань была в кампусе Пекинского университета, с ней произошел еще один неприятный инцидент. Двое молодых людей выхватили у Ван камеру и открыли ее, чтобы засветить пленку. Камеру они вернули только после того, как вмешался водитель компании, где работала Ван [Wang 2019: 136–137, 165–166]. Скорбь по Ху Яобану и требование демократических реформ преобразили людей. Когда пожилая пара показывала мне свою заветную фотографию площади Тяньаньмэнь, женщина рассказала, как весной 1989 года она однажды по рассеянности оставила фотоаппарат на багажнике велосипеда возле площади. Когда она вернулась, камера была на месте. Женщина считала, что люди в Пекине в это время настолько доверяли друг другу, что воровства не было совсем. Пожилая пара до сих пор хранит память об этом времени взаимного доверия. Такое восприятие отличается от более приземленного опыта Ван Юань, но это не значит, что какая-то из этих историй неточна. В ряде сообщений утверждается, что в мае 1989 года в Пекине царил такой порядок, что карманники перестали воровать. Напавшие на Ван Юань, видимо, не знали об этом.

Хотя никто не предполагал, что 15 апреля умрет Ху Яобан и что скорбь по нему приведет к движению за демократию, однако политическая активность наблюдалась уже в течение трех месяцев. Смерть Ху увеличила число борцов за демократию. Фан Личжи был исключен из КПК и переведен на работу в Пекинскую астрономическую обсерваторию. Но он не смог думать лишь об астрофизике. 6 января 1989 года Фан отправил Дэн Сяопину письмо следующего содержания:

1989 год – это и сороковая годовщина образования КНР, и семидесятая годовщина Движения Четвертого мая¹³. Ожидается, что многие мероприятия

---

¹³ Движение Четвертого мая 1919 года началось со студенческих протестов против подписания Версальского договора и стало частью более широкого Движения за новую культуру против империализма и традиционной китайской культуры. С 1919 года интеллигенция призывала к демократии и науке, в то время как КПК, среди основателей которой были такие видные активисты Движения Четвертого мая, как Чэнь Дусю и Ли Дачжао, в конечном итоге поставила Движение Четвертого мая на службу патриотизму, призывая интеллигенцию преданно служить партии и государству [Lanza 2019].

будут приурочены к этим двум годовщинам. Однако большинство волнует настоящее, а не прошлое. Люди связывают эти даты с новыми надеждами.

Фан предложил Дэну отметить особый 1989 год помилованием всех политических заключенных [Oksenberg & Sullivan & Lambert 1990: 166–167]. Вдохновленные письмом Фана, 16 февраля 1989 года 33 писателя и художника опубликовали открытое письмо с призывом к амнистии узников совести. Десять дней спустя группа из 42 ученых-естествоиспытателей и социологов написала длинное открытое письмо, призывающее к демократизации общества, свободе слова, освобождению политических заключенных и увеличению финансирования образования.

В конце концов Фан узнал, что Дэн Сяопин действительно прочитал его послание. «Однако, верный себе, он не подал вида: ни подтверждения, ни ответа», – писал Фан Личжи. По словам Фана, Министерство юстиции жаловалось, что «публичные письма о заключенных ставят под угрозу независимость судебной системы Китая». Сотрудники службы безопасности посетили подписантов и сделали им предупреждение, некоторых взяли под наблюдение. Фан пришел к выводу, что, хотя «публичные призывы к амнистии не достигли своей непосредственной цели... они вызвали такую нервозность, что “инакомыслие” переросло в эпидемию, от которой властям было нелегко избавиться. Абсолютная власть режима оказалась под угрозой» [Fang 2016: 275–276].

Работы и выступления физика Ли Шусянь и ее мужа Фан Личжи воодушевили студентов Пекинского университета Шэнь Туна и Ван Даня, организовавших дискуссионные группы и чтения в 1988 и начале 1989 года. Ван Дань слышал выступление Фан Личжи в феврале 1989 года в пекинском отеле. 3 апреля 1989 года Ван распространил в студенческом городке открытое письмо, в котором говорилось, что «наследие академической свободы и свободы слова Движения Четвертого мая находятся в опасности». Ван также редактировал независимый журнал «Синь у сы» («Новое Четвертое мая»), в который Ли Шусянь написала вступительную статью [Black & Munro 1993: 140–142]. Ли посетила дискуссионную группу Шэнь Туна в начале марта 1989 года. Рассказ Ли Шусянь от 26 февраля о том, как полицейские не позволили ей, Фан Личжи и Перри Линку посетить тexasское барбекю, произвел на студентов большое впечатление. Ли Шусянь, Фан Личжи и Перри Линку было прислано специальное приглашение от президента США Джорджа Буша, прибывшего в Пекин на встречу с Дэн Сяопином и Чжао Цзяном. Шэнь Тун вспоминал, что «рассказ Ли Шусянь о том, как их преследовала полиция, значил для нас больше, чем тысяча лекций о правах [человека]» [Shen 1990: 154].

Группы профессоров и студентов, которые видели в 70-й годовщине Движения Четвертого мая возможность обратиться к партии с просьбой о политических реформах, отреагировали молниеносно, когда узнали о смерти Ху Яобана. Они «просто сдвинули дату», – писал Крейг Кэлхун, преподававший в Пекине в 1989 году [Calhoun 1994: 1]. Но 15 апреля 1989 года многие в Китае еще не интересовались политикой и почти не отреагировали на смерть Ху. В сельской провинции Хунань Лу Дэчэн понятия не имел, что смерть бывшего генерального секретаря в конечном итоге приведет к тюремному заключению и изгнанию самого Лу. Бывший одноклассник Лу, ставший учителем средней школы в 1989 году, возглавил небольшой марш в память Ху, но Лу Дэчэн не присоединился к нему, а наблюдал со стороны. Лу также не удосужился посмотреть транслируемую по телевидению поминальную службу [Chong 2009: 198].

Как и многие другие представители рабочего класса, которые в конечном итоге приняли участие в протестах 1989 года, Лу не считал чиновников КПК героями, символами надежды или потенциальными союзниками.

Чай Лин и ее муж Фэн Цундэ относились к Ху Яобану положительно, но и они не сразу ответили на смерть Ху активным действием. После бакалавриата в Пекинском университете Чай Лин поступила в аспирантуру Пекинского педагогического университета. 15 апреля

1989 года ей исполнилось 23 года. Она работала над своим заявлением на поступление в аспирантуру в США, а потом ела торт, который принес ей Фэн ко дню рождения [Chai 2011: 82]. Два дня спустя Фэн был потрясен, увидев плакаты в студенческом городке Пекинского университета. Тексты плакатов, по его мнению, были направлены непосредственно против Дэн Сяопина: «Тот, кто должен умереть, тот никак не умрет, а тот, кто не должен умереть, ушел от нас!», «Искренний человек умер, а двуличный человек живет». Только 18 апреля, через три дня после смерти Ху Яобана, Чай и Фэн впервые вышли на площадь Тяньаньмэнь. Они были в группе поддержки, приносили еду и воду другим студентам, часами сидевшим на площади [Фэн 2009: 75, 77, 78].

Ранее этим утром Ван Дань и еще один студент Пекинского университета – Го Хайфэн – представили в Большом народном зале рядом с площадью чиновнику Чжэн Юмэю список из семи требований [У 2014: 26]. Требования гласили:

1. Справедливо оценить достижения Ху Яобана, утвердить его взгляды на свободу, демократию и цензуру.
2. Полностью упразднить Движение за устранение духовного загрязнения и противопоставить ему либерализацию. Реабилитировать несправедливо пострадавших во время движения (*юньдун*).
3. Требовать, чтобы партийно-государственные лидеры и их дети задекларировали перед народом свою собственность.
4. Разрешить независимые газеты; покончить с цензурой прессы.
5. Увеличить бюджеты на образование и повысить заработную плату интеллигенции.
6. Отменить неконституционные «десять пунктов» Пекинского собрания народных представителей по ограничению демонстраций.
7. Официально опубликовать данные требования [Хэ 1989: 106].

Чжэн Юмэй, работавший в Бюро писем и посещений Госсовета, пообещал передать требования вышестоящим чиновникам и попросил студентов вернуться в студенческий городок, но заявители хотели говорить с членами Постоянного комитета Национального народного собрания напрямую. Чжэн не мог этого организовать, поэтому сидячая забастовка длилась весь день [У 2014: 26; Нан 1990: 11–12].

Чай Лин и Фэн Цундэ не знали о происходящем, они знали лишь то, что их сокурсники голодны и хотят пить. Но вечером 18 апреля произошло событие, заставившее их участвовать в студенческом движении. На площади Тяньаньмэнь они присоединились к толпе у ворот Синьхуа – главного входа в здание высшего руководства КПК. Протестующие, кричащие «Ли Пэн, выходи», столкнулись с охранниками. Чай и Фэн попали в группу бегущих от полиции, избивавшей людей дубинками. «Когда я наконец остановилась, чтобы отдышаться, – писала Чай, – я сгорала от стыда и ярости. Никогда в жизни я не чувствовала себя такой униженной: меня гнали по улице как собаку». Чай поняла, что это решающий момент в ее жизни: «Моя уязвленная гордость и вновь обретенная ярость иссушили мою печаль. С этого момента ни я, ни Фэн не побежим» [Chai 2011: 87–88; Фэн 2009: 84–85]. В течение следующих нескольких дней поступали сообщения о столкновениях между протестующими и силами безопасности у ворот Синьхуа. В результате этих столкновений, возможно, некоторые участники протеста получили ранения в голову. Эти события оказали такое же мобилизующее воздействие на других студентов, как бегство от полиции оказало на Чай Лин.

Фэн Цундэ, Ван Дань, Шэнь Тун и другие встретились в Пекинском университете, чтобы обсудить создание независимой студенческой организации и бойкотировать занятия. Чай Лин не присутствовала на всех встречах и не часто говорила, но она вспоминает, как смогла убедить всех мужчин в комнате не перебивать друг друга и успокоиться. Чай пишет:

Я была единственной девушкой в комнате. Я сидела в стороне от их споров и слушала... Я решила выступить посредником... Они все послушали меня, вероятно, потому что среди гвалта мужских голосов прозвучал мой мягкий женский голос¹⁴.

Это было 20 апреля. А события следующих двух дней в Пекине – решение бойкотировать занятия, марш на площади Тяньаньмэнь 21 апреля, срыв официальных планов руководства оцепить площадь для гражданской панихиды Ху Яобана и последующая сидячая забастовка во время гражданской панихиды – убедят высшее руководство в необходимости создания плана борьбы с десятками тысяч протестующих.

* * *

Ли Пэн беспокоился больше, чем Чжао Цзыян. Ли вернулся в Пекин вечером 16 апреля после официального визита в Японию. На следующее утро он открыл «Жэньминь жибао» и увидел размещенную на первой полосе фотографию толпы у памятника Народным героям на площади Тяньаньмэнь, люди скорбно взирали на памятный венок Ху Яобану. Несмотря на заявления Ли Пэна о том, что он сожалел о смерти Ху, он не рассматривал материалы «Жэньминь жибао» как свидетельство общенационального горя. Он увидел в этом факте осуждение Дэн Сяопина и подумал, что это «спровоцирует и других студентов выйти на площадь Тяньаньмэнь, что приведет к социальным беспорядкам. Это происшествие заставило меня задуматься и усилило мою бдительность» [Чжан 2010: 60–61]. Ли рассматривал сбор студентов у ворот Синьхуа как возможную причину социальных беспорядков и записал в своем дневнике: «Тысячи людей штурмовали ворота Синьхуа глубокой ночью. Это беспрецедентно для истории КНР» [там же: 63].

Однако Чжао Цзыяна, похоже, не беспокоили ни траур и ни протесты. Когда 18 апреля Ли Пэн встретился с Чжао, чтобы потребовать «четкого отношения» к студентам, марширующим по улицам, Чжао сказал, что нет необходимости предотвращать спонтанные выступления в память о Ху Яобане. Позже Ли процитировал в своих мемуарах слова Чжао: «Пока студенты не бьют, не громят и не грабят, мы ничего не должны с ними делать. Это позволит избежать обострения конфликта» [там же]. 19 апреля Чжао встретился с Дэн Сяопином, чтобы обсудить предстоящий официальный визит Чжао в Северную Корею. Помимо обсуждения международных отношений Чжао сказал Дэну «о студенческих демонстрациях и [сообщил] ему свое мнение о том, как следует поступить в этой ситуации. Дэн согласился со мной» [Pu & Chiang & Ignatius 2009: 9]. Но в своем отчете Чжао не упомянул о том, что Дэн не только поддержал его, но и сказал ему готовиться ко второму сроку в качестве генсека. Также Чжао готовился занять вместо Дэна на должности председателя Центрального военного совета¹⁵. Чжао знал, что его политическая судьба зависит от поддержки Дэна, но в середине апреля 1989 года он и не подозревал, что его позиции как лидера слабеют, не говоря уже о том, что его политическая карьера и личная свобода закончатся через несколько недель¹⁶.

---

¹⁴ [Chai 2011: 92]. Ли Фейгон рассматривала первенство Чай Лин с позиции гендера, позже Ли написала: «Временами почти казалось, что она чувствовала себя в большей безопасности, когда могла думать о себе как о традиционной беспомощной женщине, хотя она явно была не такой» [Lee 1994: 132].

¹⁵ Бао Тун, директор Управления политической реформы и политический секретарь Чжао Цзыяна, услышал подробности разговора Дэна и Чжао 19 апреля 1989 года. Дай Цин, который брал интервью у Бао, считает, что поддержка Дэном Чжао, когда они встретились на 19 апреля, была искренней [Дай 2019: 63–64].

¹⁶ По этому вопросу и для получения дополнительной информации о том, что элитная политика КНР является «черным ящиком» как для ученых-исследователей, так и для самих китайских политиков, см. [Teiwes 2015].

Во время усилившихся протестов 20–22 апреля Чжао Цзыян сохранял спокойствие, в то время как Ли Пэн продолжал нервничать. Каждый из них увидел то, что ожидал увидеть. Чжао видел спонтанную, патриотическую, благонамеренную скорбь, он вспоминал, что «в целом их деятельность была довольно организованной, ничего чрезвычайного не происходило» [там же: 4]. Ли увидел беспрецедентную угрозу монополии КПК на власть, он написал в своем дневнике, что «характер ситуации» изменился [Чжан 2010: 68]. И оба они были правы. После полуночи 21 апреля недавно сформированный Подготовительный комитет студентов Пекинского университета объявил, что бойкотирование занятий начнется в 8:00 того же дня и будет продолжаться до тех пор, пока не будут обеспечены «справедливое освещение в новостях» и «суровое наказание главного виновника» жестокости полиции по отношению к студентам у ворот Синьхуа [У 2014: 49]. Динсинь Чжао считал, что постоянно меняющийся состав студенческих лидеров давал «спонтанные и индивидуальные ответы на события, а не сознательные решения, принятые коллективно их организациями». Доказательством тому служит объявление о бойкотировании занятий, которое и стало ответом на события у ворот Синьхуа, эта акция не была основана на семи требованиях от 18 апреля [Zhao 2001: 146–147].

Еще более серьезной, чем бойкот 21 апреля, была реакция протестующих на заявление Пекинского бюро общественной безопасности о том, что площадь Тяньаньмэнь будет закрыта с восьми утра до полудня 22 апреля. Этот указ запрещал собираться на площади во время гражданской панихиды по Ху Яобану. Тем не менее почти 40 тысяч студентов и преподавателей прошли маршем от университетских городков к площади. Первые марширующие прибыли на площадь в 23:15. Колонна демонстрантов протянулась более чем на четыре мили. Планы властей не пускать никого на площадь были сорваны [У 2014: 53–54]. У Жэньхуа, возглавивший отряд своего университета, в котором было около тысячи демонстрантов, сказал мне, что вечерний марш и ночное завладение площадью стали решающим моментом протестного движения. По словам У Жэньхуа, это было «беспрецедентной широкомасштабной объединенной акцией», координировавшейся 20 университетами. Жители окрестных домов выходили, аплодировали, подбадривали и угощали участников марша напитками. Менее чем через неделю после смерти Ху Яобана студенты и преподаватели сформировали межуниверситетские сообщества, их поддерживали и жители Пекина.

В 10:00 22 апреля после холодной бессонной ночи на площади тысячи студентов слушали гражданскую панихиду по Ху Яобану, которая транслировалась в прямом эфире по громкоговорителям. Ван Юань вместе с двумя японскими коллегами смотрела панихиду по телевизору. Ее начальник, господин Мурата, активно интересовался политической элитой. Он посоветовал Ван внимательно слушать, не появится ли в речи слово «марксист». Ван писала: «Коммунисты верили, что по окончании земной жизни они встретят Карла Маркса. Поэтому для них было очень важно, чтобы их называли марксистами после смерти»¹⁷. Когда Ван услышала, как Чжао Цзыян в начале своего 40-минутного выступления сказал, что Ху Яобан был марксистом, она восприняла это как победу активистов, призывавших к положительной оценке его деятельности. Она не знала, что Дэн Сяопин вырезал из текста слово «великий», стоявшее перед словом «марксист». По словам Ли Пэна, Дэн Сяопин одобрял жизненный вклад Ху Яобана, но считал, что называть его великим марксистом – завышенная оценка. В конце церемонии начальник Ван Юань попросил ее обратить внимание на продолжительность похоронной музыки, сказав, что «продолжительность указывает на значимость умершего. Самая короткая музыка, которая когда-либо играла на похоронах, длилась всего 30 секунд. Самая длинная – 3 минуты 35 секунд – на поминальной службе Мао Цзэдуна. Музыка прощания с Ху Яобаном длилась 1 минуту 17 секунд. Неплохо» [Wang 2019: 153].

¹⁷ [Чжан 2010: 71]; текст прощальной речи см. в: *Жэньминь жибао*. 1989. 23 апреля. С. 1.

Тысячи студентов на площади, возможно, изначально разделяли мнение Ван Юань о том, что Ху Яобана оценили по достоинству. Однако они забеспокоились, когда поняли, что ни катафалка, ни похоронной процессии не будет. Студенты хотели выразить последнее уважение Ху Яобану и предполагали, что катафалк объедет периметр площади Тяньаньмэнь. Но потом они узнали, что машина с телом Ху незаметно уехала с западной стороны Большого зала народных собраний, которую не было видно с площади. Группа возмущенных студентов бросилась к залу, требуя, чтобы Ли Пэн вышел к собравшимся. Трое студентов встали перед залом на колени. Один из них, Го Хайфэн из Пекинского университета, поднял над головой бумажный свиток, на котором была написана дополненная версия семи требований, в которую они включили надлежащую оценку деятельности Ху Яобана, свободу прессы и требование к чиновникам публиковать свои доходы и имущество. Петицию подписали представители 19 вузов. Два сотрудника оргкомитета панихиды попытались убедить студентов встать с колен и позволить им взять свиток. Они пообещали, что доставят его Ли Пэну, но студенты отказались – они хотели лично передать его Ли.

Чем дольше эти трое, преклонив колени, стояли на ступенях, ведущих от площади к Большому залу, тем больше возмущалась толпа. Зрители чувствовали себя униженными тем, что трое студентов патетически прибегли к традиционной форме прошения, подобно подданным, умоляющим о благосклонности императора, и были возмущены, что правительство их игнорировало. Пу Чжицян из Китайского университета политических наук и права был так раздосадован, что ударил себя мегафоном по голове, по лицу потекла кровь. У Жэньхуа слышал, как прохожие говорили: «Бедные студенты. Почему никто не обращает на них внимания... Они ведь так долго стоят на коленях. Это показывает, что чиновники боятся студентов».

Простояв на коленях в течение 30 минут, трое просителей слились с толпой, унеся свиток с собой [У 2014: 60]. Чай Лин вспоминала, насколько эмоциональным был этот момент: «Мы чувствовали себя преданными. Наше правительство глухо к нашим чаяниям. Наши просители стояли на коленях перед Большим залом, перед безмолвным каменным бастионом, другие студенты плакали. Все это стало для меня символом нашего унижения» [Chai 2011: 98]. Студенты медленно ушли с площади, они решили продолжить протесты и привлечь больше участников.

Высшие партийные лидеры в зале не знали ни о петиции, ни о коленопреклонении. Они спускались на лифте с панихиды и готовились покинуть здание. На выходе Чжао Цзыян поделился с коллегами мыслями о том, как в дальнейшем справляться с протестами. Формальная версия плана Чжао из трех пунктов предлагала следующее:

1. Панихида закончилась, и общественная деятельность должна вернуться в прежнее русло. Необходимо убедить студентов прекратить уличные демонстрации и вернуться к учебе.
2. Согласно основной цели снижения напряженности, диалог должен вестись на разных уровнях, через различные каналы и форматы для установления взаимопонимания и поиска различных мнений. Каких бы мнений они ни придерживались, всем студентам, преподавателям и другим представителям интеллигенции необходимо разрешить свободно выражать свое мнение.
3. Во что бы то ни стало нужно избежать кровопролития. Однако лица, совершившие пять видов деяний – избиение, погром, грабеж, поджог и незаконное проникновение, – должны быть наказаны в соответствии с законом [Pu & Chiang & Ignatius 2009: 5–6].

Если бы Чжао знал о драматических событиях на площади и обнародовал бы второй пункт плана, пообещав продолжение диалога и свободу выражения до, во время или сразу после того, как трое студентов ритуально встали на колени с петицией в руках, он мог бы эмо-

ционально разрядить ситуацию. Но Чжао Цзыян и Ли Пэн обсудили вопросы наедине и разошлись. Поэтому последующие дни и недели стали трудными для обоих.

Ли Пэн не соглашался с мнением Чжао по трем пунктам, поскольку они не предлагали кардинального решения проблем. Ли спросил Чжао: «Что, если студенты хотят свободы и демократии западного образца?» Чжао сказал, что положительный ответ невозможен. Затем Ли спросил: «А как насчет нелегальных студенческих организаций?» Чжао ответил, что правительство не может их признать. Ли хотел провести заседание Постоянного комитета Политбюро для обсуждения этих вопросов, но Чжао сказал, что в этом собрании нет необходимости, сел в машину и уехал. Почему Чжао так торопился? Двумя днями позже Ли Пэн писал в своем дневнике: «Согласно достоверным источникам, после того как гражданская панихида закончилась, Чжао уехал играть в гольф. Он-то точно умеет забывать о своих проблемах» [Чжан 2010: 72, 81]. Ли Пэн был не единственным, кто язвил по поводу страсти Чжао к гольфу. 20 апреля Хань Дунфан, Чжао Хунлян и другие рабочие договорились о месте встречи на западной части площади Тяньаньмэнь, потому что студенты не позволили им собраться в центре площади, заявив, что хотят защитить «чистоту» протестного движения. Рабочие разместили «Десять вежливых вопросов к КПК». Второй вопрос звучал так: «Господин и госпожа Чжао играют в гольф каждую неделю, платят ли они взносы? Откуда берутся деньги на взносы?» [Нап 1990: 277; Black & Munro 1993: 161].

Рабочие-активисты считали Чжао Цзыяна одним из многих коррумпированных чиновников, оторванных от жизни. Ли Пэн видел в любви Чжао играть в гольф политический материал, который можно было использовать против него. 22 апреля Ли был сильно обеспокоен, потому что Чжао Цзыян на следующий день уезжал в Северную Корею с официальным визитом. Чжао переложил на Ли ответственность за реализацию своих расплывчатых планов, абсолютно не учитывавших серьезность ситуации. Ли считал, что нелегальные студенческие организации требуют демократии западного образца.

Крейг Кэлхун заметил, что появление независимых студенческих групп, требующих признания и уступок, «в действительности было серьезной проблемой, поскольку коммунистический Китай никогда не признавал права людей создавать независимые организации» [Calhoun 1994: 44]. Чжао согласился с Ли, что требования студентов неприемлемы, но он считал, что необходимо восстановить нормальную жизнь, расширить диалог с народом и наказать мародеров. Даже если Ли и понравился план Чжао, он не знал, как его реализовать.

* * *

Проводив Чжао на вокзале 23 апреля, Ли Пэн встретился с Ян Шанкунем, 82-летним старейшиной партии, чтобы обсудить свои опасения. Ян и Ли согласились вместе пойти на встречу с Дэном, так состоялась судьбоносная встреча утром 25 апреля. Партийный секретарь Пекинского горкома Ли Симин и мэр Пекина Чэнь Ситун помогли Ли Пэну подготовить сообщение, которое они впоследствии передали «крестному отцу» Китая. Ли Симин и Чэнь Ситун беспокоились о том, что протестующие безнаказанно нарушили муниципальные правила Пекина, запрещающие несанкционированные марши, и вопреки указу городских властей вышли на Тяньаньмэнь во время гражданской панихиды. Обеспокоенность городских чиновников вызвало и то, что на следующий день после встречи 23 апреля с администраторами 67 пекинских вузов с требованием прекращения студентами бойкота занятий более 60 тысяч студентов отказались выполнять предписание.

Два представителя городской власти жаловались, что рост студенческого движения не позволяет им выполнять свою работу. Они получили необходимую поддержку, когда Ли Пэн созвал заседание Постоянного комитета Политбюро вечером 24 апреля. Ли согласился с утверждением Чэнь Ситуна о том, что заговорщики воспользовались смертью Ху Яобана, чтобы

попытаться свергнуть Коммунистическую партию [У 2014: 10]. На встрече Чэнь Ситун выступил с предупреждением, которое наверняка привлекло внимание Ли Пэна и побудило Дэн Сяопина на следующий день к активным действиям. Чэнь сказал: «Это студенческое движение напрямую нацелено на Центральный комитет. На первый взгляд кажется, что оно нацелено на премьера Ли Пэна, но на самом деле оно нацелено на товарища Дэн Сяопина» [Чжан 2009: 57]. Встреча завершилась решением нанести удар по заговорщикам и протестующим, а также объединить силы всех официальных лиц и информационных агентств.

На следующее утро Ли Пэн и Ян Шанкунь отправились в дом Дэн Сяопина – это была встреча, о которой Ли и Ян попросили лидера вскоре после отъезда Чжао Цзыяна в Северную Корею. Секретарь Дэна позвонил Ли Пэну и сказал ему прийти 25 апреля к десяти утра. Ли сообщил Дэну дополнительную информацию о серьезности протестов и о решении накануне вечером занять жесткую позицию по отношению к демонстрантам. Доклад Ли показался Дэну убедительным, и он согласился с мнением пекинских муниципальных властей о серьезности угрозы КПК и самому Дэну. Его не пришлось долго уговаривать. Несмотря на то что Дэн изначально поддерживал подход Чжао Цзыяна к стабилизации ситуации, участию в диалоге и наказанию вандалов, он был склонен принять представленную Ли Пэном картину событий. Когда Чжао узнал о реакции Дэна, он не удивился. Дэн «всегда предпочитал жесткие меры в отношении студенческих демонстраций, потому что считал, что они подрывают стабильность». Чжао понял, что Дэн поддержал версию событий Ли, потому что «она больше совпадала с тем, во что он действительно верил все это время» [Pu & Chiang & Ignatius 2009: 10].

Дэн проинструктировал Ли Пэна, что делать дальше, а также выразил уверенность, что КПК одержит победу над тем, что он считал «заговором с целью распространения беспорядков по всей стране». Дэн сказал, что партия должна выступить с решительным заявлением по поводу «беспорядков» и использовать правовую систему Китая для прекращения маршей и протестов. Дэн также хотел собрать доказательства против «закулисных покровителей и грязных рук [организующих] этих беспорядки, представителями которых являются Фан Личжи и Ли Шусянь», посоветовав Ли Пэну и Ян Шанкуню «разобраться с ними в надлежащее время». Дэн ожидал, что резко сформулированное публичное заявление в сочетании с запретом демонстраций и арестами «остановит беспорядки». Дэн сказал: «Все рабочие, фермеры и интеллигенция поддерживают нас. Чиновники тоже... У нас также есть миллионы солдат. Чего мы боимся? Из 60 тысяч учащих, бойкотирующих занятия, многих принуждали [участвовать в протестах] или не пускали на занятия» [Чжан 2010: 86–87].

Ли Пэн вышел из дома Дэна окрыленным. Он был на той же волне, что и Дэн, и теперь мог предать гласности слова Дэн Сяопина. Он разрешил распространить стенограмму выступления Дэна среди официальных лиц по всей стране, а также отправил ее Чжао Цзыяну в Северную Корею. Когда Чжао прочитал стенограмму в китайском консульстве в Пхеньяне, он понял, что у него не было другого выбора, кроме официального ответа, что он «полностью согласен с решением товарища Сяопина по решению текущей проблемы беспорядков». Может быть, ситуация ухудшилась с тех пор, как он уехал из Пекина, подумал Чжао. В любом случае в конце апреля для Чжао было немыслимо публично возражать своему руководителю. Чжао считал, что студенческое движение пойдет на спад и ему придется руководить движением против либерализации, как уже было в 1987 году. Он ошибался. Днем 25 апреля Ли Пэн руководил написанием передовицы, о которой просил Дэн. Текст статьи под названием «Мы должны занять четкую позицию против беспорядков» в тот вечер транслировался по телевидению и радио, на следующий день был опубликован во всех газетах Китая.

Крайне малое число людей не пыталось увековечить память товарища Ху Яобана, не пропагандировало социалистическую демократию в Китае и не просто выражало недовольство. Вместо этого они использовали фальшивые знамена демократии, пытаясь разрушить [настоящую] демократию

и верховенство закона. Их цель – смутить чувства людей, ввергнуть всю страну в хаос, разрушить политическую стабильность и единство. Это преднамеренный заговор. Это беспорядки. По сути, они коренным образом отрицают руководство Коммунистической партии и социалистическую систему.

Источник: Жэньминь жибао. 1989. 26 апреля. С. 1.

Реакция в обществе была разной. Лу Дэчэн в провинции Хунань прочитал газету на работе, он оценил язык и подачу материала как типичные, пожал плечами и решил, что «общественное мнение не учитывалось» [Chong 2009: 200]. Многие в Китае, возможно, не обратили внимания на трансляцию и передовицу, а те, кто обратил внимание, наверняка отреагировали так же, как Лу Дэчэн, не увидев в сообщении ничего необычного.

Именно на это рассчитывали Дэн Сяопин и Ли Пэн, того же ожидал и Чжао Цзыян в Пхеньяне. Но даже если Дэн и оказался прав в том, что многие рабочие и крестьяне были на его стороне, многие граждане были настолько возмущены и оскорблены тоном и содержанием заявления Дэна, что бросили вызов высшему руководству. Протестное движение не только не утихло, напротив, оно стало набирать силу.

Вечером 25 апреля, услышав передачу по радио, студенты Пекинского университета, особенно те, кто являлся членом вновь созданных студенческих объединений, поняли, что речь шла о них. В передаче новые организации назывались незаконными, их обвиняли в «захвате власти» и отъеме полномочий у утвержденных партией студенческих союзов. Чай Лин вспоминала, что когда она услышала трансляцию, то «почувствовала всем телом потрясение, недоверие, страх и гнев». Затем она услышала, как ее сокурсники били стеклянные бутылки («Сяопин» – омоним «маленькой бутылочки»), протестуя против речи Дэна, они стучали по столу, кричали и ругались [Chai 2011: 114]. В тот же вечер независимые студенческие организации сделали заявление, что они выступают не против КПК. Они объявили общегородской марш от студенческих городков к площади в знак протеста против ярлыка «беспорядки» [У 2014: 88–89].

Пекинские журналисты также решительно выступили против передовой статьи. Редактор «Жэньминь жибао» Лу Чаоци сказал, что 26 апреля его коллеги единодушно согласились с тем, что эта статья была ошибкой, ничего хорошего сказать о ней было нельзя. Телефон Лу буквально обрывали: все звонки касались опубликованного материала. Звонившие заявляли, что неправомерно называть марш студентов и прощание с Ху Яобаном беспорядками, и также указывали на то, что в передовице не предлагалось ответов на вопросы о демократии и коррупции, поднятые протестующими [Лу 2006: 34]. На партийном собрании информационного агентства Синьхуа, когда некто полностью процитировал замечания Дэна, журналисты встали, чтобы по очереди осудить документ. Они сочли его оскорбительным для памяти Ху Яобана, заявили, что это напоминает им о репрессиях, направленных против антиправового движения и Культурной революции. Сотрудники редакции высказались, что Ли Пэн и Ян Шанкунь, который даже не был членом Постоянного комитета Политбюро, действовали за спиной Чжао Цзыяна, пока генеральный секретарь отсутствовал в стране [Чжан 2010: 79].

Но далеко не все в Китае отреагировали так же, как пекинские журналисты, или чувствовали безразличие, как Лу Дэчэн в провинции Хунань. Некоторые воспринимали слова Дэна как приказ и старались добросовестно его исполнять. Муниципальные руководители Пекина предупредили «руководителей незаконных организаций», что им грозят «серьезные последствия», если они не прекратят «незаконную деятельность». Бюро общественной безопасности Пекина выпустило уведомления, напоминающие жителям столицы о том, что несанкционированные демонстрации являются незаконными и что выступления, сбор пожертвований и раздача листовок будут наказываться по закону [У 2014: 96]. А администрация и преподаватели

вузов пытались «занять четкую позицию» и встретились 26 апреля со студентами, чтобы убедить их не выходить на марш.

В некоторых случаях их убеждения подействовали. Оркеш Делет, студент Пекинского педагогического университета, более известный под своим китайским именем Уэр Кайси, 26 апреля отправился в Пекинский университет, где побеседовал с Шэнь Туном. Оркеш сказал, что администрация его университета пообещала, что, если он уговорит студентов не выходить на следующий день на марш, «нас не накажут за то, что мы сделали ранее» и последует диалог между студентами и официальными лицами. Шэнь Тун не согласился, он сказал, что студенты Пекинского университета уже решили «в качестве компромисса пройти часть пути до площади Тяньаньмэнь и не дальше, чтобы показать правительству, что к сотрудничеству мы готовы, но нас не запугать» [Шэнь 1990: 200–201]. Оркеш отказался от попыток убедить Шэнь Туна и отправился в ближайший Университет Цинхуа, чтобы поговорить со студентами об отказе от участия в марше.

Администрация Китайского университета политических наук и права оказала сильное давление на Чжоу Юнцзюня, представителя этой школы в Автономной федерации студентов Пекина – альянсе недавно созданных независимых университетских профсоюзов. Чиновники продержали Чжоу до трех ночи 27 апреля, пока он не согласился подписать документ об отмене марша протеста [У 2014: 96]. Кто-то постучал в дверь Шэнь Туна в пять утра, чтобы показать ему уведомление об отмене; затем Шэнь передал его Фэн Цундэ и другим активистам Пекинского университета. «Мы все подозревали, что Чжоу Юнцзюнь сделал это сам, потому что на сообщении не было других подписей, – писал Шэнь, – нам и в голову не пришло, что федерация могла провести собрание в это время. В конце концов мы решили действовать, как планировалось ранее» [Шэнь 1990: 202].

27 апреля гнев взял верх над страхом. Примерно 100 тысяч студентов прорвались сначала через ворота университета, запертые администрацией, а затем через ряды невооруженных полицейских, блокировавших перекрестки. Как только протестующие поняли, что доберутся до площади, не столкнувшись с насилием или арестами, настроение у них поднялось, а количество людей, вышедших на улицы, достигло полумиллиона. Не желая остаться в стороне, Оркеш Делет возглавил демонстрацию Пекинского педагогического университета; Фэн Цундэ, Ван Дань и Шэнь Тун возглавили группу Пекинского университета, они решили пройти весь путь до площади, а не останавливаться на половине пути. Чай Лин назвала дневной «фестиваль» «полной победой» студентов и жителей Пекина [Chai 2011: 118]. Передовица от 26 апреля не только не остановила студенческое движение, но и придала смелости протестующим требовать диалога с правительством. Это давало надежду на то, что они смогут завоевать признание и уважение.

Почему жесткий подход Дэна не испугал пекинских студентов и не заставил их вернуться в аудитории? Спустя годы Чжао Цзыян думал, что к 1989 году что-то изменилось и что «старые способы навешивания политических ярлыков, которые работали раньше, больше не эффективны». Все знали, что в основе радиопередачи от 25 апреля и редакционной статьи, опубликованной на следующий день, были высказывания Дэн Сяопина, поэтому протесты 27 апреля убедили Чжао, «что даже символ верховного лидера утратил свою эффективность». «Мало того что угрозы со стороны “крестного отца” стали бессильны, – подумал Чжао, – жесткие пекинские правила общественной безопасности оказались не более чем макулатурой, – демонстранты легко прорвали полицейские блокады» [Pu & Chiang & Ignatius 2009: 14].

Чтобы сохранить лицо после демонстраций 27 апреля, формально Ли Пэн и Дэн Сяопин выразили оптимизм. Ли написал в своем дневнике, что редакционная статья «Жэньминь жибао» оказала сильное воздействие и стабилизировала ситуацию [Чжан 2010: 97]. Секретарь Дэна позвонил Ли и сказал, что Дэн доволен тем, что позиция Центрального комитета была ясной и кровопролития не было [У 2014: 107]. В действительности же оба были потрясены. Ли

Пэн поговорил по телефону со старейшинами партии, в том числе с Дэн Инчао, Ли Сяньнянем, Сун Жэньцюном и Ван Чжэнем, они убеждали его сменить курс [там же: 106]. Сообщается, что Ли Сяньнянь и Ван Чжэнь призывали к массовым арестам. Пэн Чжэнь неоднократно звонил в Центральный комитет, призывая к сдержанности и надеясь, что против протестующих сила применена не будет [Pu & Chiang & Ignatius 2009: 13].

Ли Пэн изо всех сил пытался применять различные стратегии. Он попросил официального представителя Госсовета Юань Му подготовить менее жесткую передовую статью о важности поддержания стабильности. Ли также перенял формулировку Чжао Цзыяна о диалоге, поручив 28 апреля официальным лицам по всей стране подготовиться к встречам с представителями студентов на «нескольких уровнях» и «по различным каналам». Но когда студенты независимых организаций, организовавшие марши, узнали о предстоящем 29 апреля диалоге между чиновниками и студентами, отобранными партией, они были возмущены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.